

The background of the cover is a detailed illustration. A man in a dark tactical uniform with a large backpack is seen from the side, holding a glowing sword. He is in a dark, industrial environment with pipes and structures. Several translucent, glowing spheres are floating around him, each containing a different figure: a muscular man, a woman, and a zombie-like creature. The overall color palette is dark with vibrant green and blue highlights from the spheres and the sword.

Александр Тюрин

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ

Апокалипсис-СТ

Александр Тюрин

Зона Посещения. Луч из тьмы

«АСТ»

2014

Тюрин А. В.

Зона Посещения. Луч из тьмы / А. В. Тюрин — «АСТ»,
2014 — (Апокалипсис-СТ)

Хармонтская Зона Посещения. 2020-е годы. Владелец корпорации «Монлабс» Дюмон обуреваем идеей создания новой жизни, каковой еще нет на Земле, и уверен, что Зона поможет ему превратиться в демиурга. Орудием Дюмона становится Лауниц – неудачливый режиссер, пациент психиатрической клиники и банкрот, которого мафия ставит на «счетчик». В его мозг имплантирована память пропавшего без вести в Зоне сталкера, которому, скорее всего, удалось найти самый загадочный артефакт – «смерть-лампу». Вместе с наемниками «Монлабс» и женой пропавшего сталкера Лауниц идет к «сердцу» Зоны по самому опасному маршруту. Тем временем иноматериальная жизнь начинает выходить из Зоны в город, трансформируя то, что может подчинить, и разрушая все остальное. И только Лауниц, человек, представляющий собой двойную загадку, способен остановить ее.

© Тюрин А. В., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Владимирович Тюрин

Зона Посещения. Луч из тьмы

© А.В. Тюрин

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год:

«— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?»

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

...

Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана».

*Аркадий и Борис Стругацкие,
«Пикник на обочине».*

Глава 1

Город и мир смотрят на Зону

Сэр Роджер Дюмон. Олимпиец

Будучи, мягко говоря, состоятельным человеком (из числа тех тринадцати людей, кто очень многим владеет и почти все решает на этом свете), Роджер Дюмон, тем не менее, имел некоторые слабости. Например, он любил игровые нейрокартриджи. Да к тому же совсем левые, из периодически разоряемого полицией гнездовья нелегальных производителей на Мэй-корт.

Вряд ли они претендовали на нечто большее, чем сварганить контрафактного «Демидурга» и чуть-чуть заработать на пожрать и оттянуться, но пользователя этих картриджей ожидал полный улёт – если, конечно, воспользоваться киберпространственным расширением. Поначалу он будто засыпал в душной кладовке. Потом прорастал сквозь мглу, словно безразмерная невидимая грибница, которая могла проникать в любую плоть и расщеплять любой материал. Весь мир становился проницаемым, доступным, сексуальным...

В общем, то ли у парней с Мэй-корт просто не ладилось с цветodelением и пикселизацией, то ли эти представители народностей ашанти и тутси имели свой взгляд на природу вещей.

Улёт завершался тем, что сэр Роджер, словно обычный прыщавый пацан, приходил в себя от холода и голода, потому что эта штука перенапрягала мозги и добиралась до энергетических депо, поедая даже жирок на животе. И тогда он звал Яманаку, который передевал хозяина и начинал кормить изделиями своей молекулярной кухни, где даже кровь по вкусу и виду напоминала изысканное вино из подвалов замка Шато-Лафит.

Сэр Роджер Дюмон, председатель правления и владелец контрольного пакета акций корпораций «Монсанто» и «Монлабс» (бывшей «Дюпон де Немур»), совладелец ряда банков Федеральной и Тихоокеанской резервных систем, последний год любил проводить время в своей резиденции в Блю-Маунтайнс к северу от Хармонта. Резиденция охватывала поликарбонным поясом мощную гранитную скалу и картинно нависала над пропастью в триста метров.

И чего только не позволяют создать современные материалы, созданные механохимическими манипуляциями с молекулами и кристаллическими решетками! Кровать, размером напоминающая лужайку, словно парила над пропастью, чему весьма способствовал пол из кристаллического металло стекла – тот становился прозрачным, едва встанешь на него. В пропасть, вернее в нижележащую долину, заросшую серебристой пихтой, мог спуститься прозрачный лифт на невидимых наноуглеродных тросах.

Такой же лифт Дюмон хотел провести на орбиту, в свою геостационарную резиденцию, но пока еще не удалось получить соответствующего решения профильного комитета ООН. Летать туда на орбитальном самолете он не собирался – не в его привычках было полагаться на Бога – существовала вероятность не добраться из-за какой-нибудь дурацкой случайности, вроде срыва теплоизоляционной плитки. А дурацкие случайности он не любил. Так что всем своим земным резиденциям, даже дому-геодезику, плавающему в лагуне на одном из полинезийских островов, сэр Роджер предпочитал хармонтское «Гнездо птеродактиля».

Может, еще и потому, что Зона отсюда представала как на ладони: она проходила от южного склона гор широким клином через смешанные леса, которыми поросли предгорья, вклинивалась через северную окраину в Хармонт. И, все более сужаясь, завершалась в прежнем центре города. Сверху Зона иногда напоминала руину погибшей цивилизации или постапокалиптический мирок, где изрядно позабавились зомби, а может быть, поверхность чужой

планеты, затянутую облачной пеленой. В этой пелене шли циркуляции, регулярные и спонтанные, иногда вихри вздымались вверх, но не больше, чем на километр от поверхности. Периодически образующаяся толстая облачность была насыщена аммиачными молекулами, стабилизированными неизвестным полем. Она не только поглощала солнечные лучи – из-за нее не проходили радиоволны и выпадал дождь со следами аммиака.

А порой Зона казалась сэру Роджеру Дюмону разрастанием плесени или рваной раной, наполненной личинками. Да, личинками, которые превращают бывшую человеческую среду обитания в подходящий для себя субстрат. «Не правда ли, города похожи на жуков? – думалось Дюмону. – Этот жук явно заражен какой-то дрянью и все хуже передвигает ножки». Хармонту сильно не повезло в борьбе городов-жуков за выживание.

Сэр Роджер унаследовал от предков способность грезить наяву. И в этих грезах Зона из гнездилища инопланетных ужасов превращалась в милую курочку, несущую золотые яйца.

Идея универсального семени давно сидела в сознании владельца «Монсанто» и «Монлабс». И была связана с профилем этих корпораций.

«Монсанто» производила семена, которые использовала основная масса всех сельскохозяйственных производителей на свете – от держателей стоярусных оранжерей в Китайском море до последнего голопопного крестьянина на Папуа. Семена «Монсанто» давали лишь один урожай и выросшие из них растения были стерильны. За семенами для следующего урожая даже самый распоследний и голопопый должен был снова обращаться к ближайшему дилеру корпорации. Чтобы добиться «семенной» власти, «Монсанто» провела огромную работу по всему земному шару: продавливала хитрые законы, подкупала политиков и медийщиков, легко давала кредиты, насылала на непокорных земледельцев дроны «международных сил» и наемников из ЧВК¹. Те могли с помощью мимических масок из нанопланта беспроблемно прикинуться местными бандитами – парнями с мачете, которым ничего не стоит отчикать голову.

«Монлабс» создавала сперматозоиды и яйцеклетки с модифицированным или искусственным геномом, от которых происходили кошки со светящейся шерстью, прозрачные хомяки, куры без ног и крыльев, живое филе. И все это было стерильно, для приобретения следующего поколения прибыльной живности опять-таки надлежало обратиться к дилерам корпорации. На своих клеточных плантациях «Монлабс» производила плюрипотентные клетки, из которых можно было вырастить все что угодно: от элегантных рожек на лбу до дополнительных гениталий (что, между прочим, пользовалось бешеным спросом у людей, продающих секс-услуги). Еще одним направлением бизнеса были эмбриональные «завязи» органов, которые вырастали прямо в упаковке внутри человека-фабрики, где-нибудь в Молдавии или Бангладеш, для последующей продажи на рынке трансплантатов.

Сэру Роджеру Дюмону было за восемьдесят, и своим телом он замечательно демонстрировал успехи своей корпорации. Его сердце, прямая кишка и мочевой пузырь были выращены из «завязей» на донорских живых фабриках и затем трансплантированы. (Но он помнил то время, когда его моча выходила через катетер в пакет, прилепленный к его ноге.) Предотвращая апоптоз клеток, десант медботов регулярно проводил теломеризацию его генетического вещества в самой дорогой на свете клинике «Исида». Физиологически он был, можно сказать, молод, но психологически дряхл. Дюмон не любил общаться с людьми вживую, будто устал от этого за тысячу лет. Генеалогия его уходила в темное Средневековье, где хищные франки, смешавшись с жадными норманнами, плыли к богатствам Иерусалима и Константинополя.

Несмотря на нелюдимость, глобально действующие программы давали Роджеру Дюмону доступ к распределенным «облачным» системам наблюдения – сэр Роджер имел возможность слышать, видеть и осязать почти все на свете, «подключиться» практически к любому человеку на свете, о чем тот и не подозревал. Ведь практически любой мог незаметно для себя вдохнуть

¹ Частные военные компании.

рой микроустройств, которые ассемблировались в его теле, например, в скрытый коннектор. Сэр Роджер чувствовал, как булькают пузырьки воздуха в кишечнике у голодного ткача в Бомбее, как бурлит кровь у мачо в Мехико, когда он пялится на жену соседа, моющую лестницу, как зависть сдавливает горло при виде шикарного особняка у галичанского полотера в Швейцарии.

Множество источников жизни и смерти сходилась в виртуальных конечностях Роджера Дюмона, как у синеликого Шивы. Конечностей было множество; нейроинтерфейсы, встроенные в синаптические связи его нейронов, превращали мысли в действия машин и людей, а действия машин и людей в его ощущения.

Дюмон и его корпорации проникали в мир все глубже, как грибковая плесень в старую буханку хлеба.

Любой регион планеты, любая точка на карте могла получить право на производство живой материи только от него. Мановением своей виртуальной руки сэр Роджер давал людям и животным семена, споры, сперму, яйцеклетки, ростки, эмбрионы, стволовые клетки, побеги, органы – всё, что идет в пищу, возвращает здоровье и продолжает род.

И одним движением виртуальной руки сэр Роджер мог убивать, оставаясь неузнанным. Например, изменить содержание химикатов в любых продуктах питания или внести вирус в органы, клонируемые на живых фабриках. Мог вызывать у женщин целой страны бесплодие или наркотическую зависимость у тинейджеров какого-нибудь государства, разжечь похоть в отношении любого бесполезного или мутагенного товара.

Но то, что делал сэр Роджер с помощью «Монсанто» и «Монлабс», было лишь использованием, дополнением или ограничением земной природы. А он хотел творить природу новую. И Зона представляла такую природу, пока еще необузданную и не приносящую деньги.

Подкрепившись произведениями молекулярной кухни Яманаки, сэр Роджер с помощью киберпространственного расширения воспарил над Зоной, которая сегодня как никогда напоминала цветок, способный дать замечательный плод при надлежащем старании. А потом внезапно вошел в боди-коннектор одного из своих сотрудников. Зигмунта Берковски, шефа отдела прорывных исследований, сэр Роджер «застукал», когда тот использовал нестандартные игрушки в общении с сотрудницей прямо в рабочее время. Голос босса вдруг материализовался при помощи нейроинтерфейса в слуховом центре подчиненного, немного напоминая при этом громовой голос олимпийского бога. Однако босс совсем не собирался укорять своего талантливого подчиненного за небольшие шалости.

– Зиг, дружище, подготовьте мне человека, который способен будет пощупать Зону на предмет золотых яиц, очень такого резкого человека, который разозлит ее, и она покажет, на что способна.

«Кабуки». Приют неудачника

А ведь кто-то действительно бродит по коридору.

Ночью он уже выбегал искать. Но проснулся от чего-то другого, хотя сон был приятный. Во сне у него есть собака, толстая, тупая, верная псина, с которой он идет гулять на пустырь, она кладет ему вислогубую морду на руку и смотрит в глаза преданным-преданным взглядом; совсем не тем, что источают зыркала у агентов кино– и симстудий, которые обманывают и обируют бедных пьяных неудачливых авторов... Проснулся, поднял кровать, чтобы можно было открыть дверь, вышел в коридор, подмазанный блеклым светом люминисцентных панелей, ничего не нашел, а вернулся с замерзшими ногами и в холодном поту. Так что надо как молитву повторять: «Я здесь один. Совсем один».

Для автоматического отеля японского типа здесь слишком много звуков, хотя он единственный постоялец. Вообще, гостиница «Кабуки» – идеальное место, чтобы окончательно свихнуться и побежать с голым задом и трусами на голове через прилегающий пустырь.

Комната в девять квадратных метров, или сколько там в футах... Он так и не привык к англосаксонской системе. Хотя лет пятнадцать как перебрался в Новый свет из уютного дедовского Висмара. Да, здесь ты можешь делать все что хочешь, тебе ж открыты «неограниченные возможности», но будешь делать только одно – барахтаться, чтобы остаться на поверхности. Орхидея окончательно придает этому кибер-раю адский вид, может потому, что это аэропоника: корешок и цветочек висят в воздухе.

Кроме нее и него, здесь нет других живых существ: никто не кричит, не чихает, не пускает ветры. Впрочем, техносфера подвержена тем же болезням, что и мы. Страдает от коррозии металл, как писатель 19 столетия от чахотки. У стальных изделий со стажем наверняка остеопороз. Сифилис у пластмассы, так же как у Бодлера и Мопассана. Альцгеймер у нанопластика, как у многих президентов одной могущественной державы. Парша у бумаги. Снижение иммунитета у штукатурки – заросла плесенью. Сумасшествие у плеера, играет по две ноты из каждой песни. Назревает самоубийство у компа, заросшего вирусами. Видимо, «Цинь Ши Хуанди», производитель начинки для 99 % всех компьютеров на свете, хочет, чтобы вы купили что-нибудь более модное. Скрип – это кашель, скрежет – это чих, вибрация – это стон, биение – крик.

– Господин Лауниц, а не пора ли подкрепиться? – с фальшивой бодростью спросила стена с обоями-экраном, по ней побежала реклама пиццы.

Окна нет, только стена, а за ней город, в котором не захочется погулять даже с любимой. Позовите банкиров, чтобы смазали все деньгами, да только им неинтересно в загнивающем неудачливом Хармонте. Над полутрупом закрылись рыночные небеса, на Центральном проспекте, где раньше торговали всякой бесполезной всячиной (от зеленых человечков из квази-живого пластика до дорожных галстуков и золотых запонок для «успешных людей»), теперь апокалиптически свищет ветер. И посреди города лопнувших надежд осталась черная дыра, которая все еще сосет его соки. Зона.

– Я ненавижу пищу, пора тебе угаснуть, в прямом смысле этого слова... В самом деле, заткнись, не то швырну в тебя соусом.

Он совсем перестал чувствовать вкус пищи здесь – один плюс, что похудел. Живот спрятался, плечи, правда, тоже опустились. Отчаянно хочется курить, вот в зачке две сигариллы, но за электрозажигалкой надо переться незнамо куда, через гниющий, плесневеющий, пустеющий Хармонт. Вымирающая деревня уступает место лесу, это еще куда ни шло, а вымирающий город – автосвалкам, пустырям и барахолкам... А от газовой зажигалки тут немедленно начинает ругаться система безопасности.

– Тогда, господин Лауниц, может быть...

– Нет, не может. Ничего не может быть, особенно с такой стеной.

– Судя по маркерам сетчатки вашего глаза, у вас немного повышенная температура. Могу порекомендовать аспирин, цена упаковки всего десять долларов, доставка в течение получаса. Или предложить вам расслабляющий контакт с Сюрреал Долли (Тм), она лежит в шкафчике, который в вашей ванной комнате, надувается от одного прикосновения в область лобка; после заполнения воздухом на треть не забудьте залить в нее пять литров теплой воды. В случае использования подарочного купона вода будет предоставлена бесплатно.

– Я сейчас налью на тебя три литра теплой мочи, и заткнешься надолго. Не смей пускать мне свои лазерные лучики в глаза.

Тоже мне, нашла ванную комнату. Узкий гроб, где ржавое ситечко душа висит прямо над изрядно порывевшим унитазом. Подача воды в душе оптимизирована до разреженности водяного пара, да еще ослабевает каждую минуту, чтобы человек не затягивал процесс. Не

удивлюсь, что оттуда льется по замкнутому циклу моча, обесцвеченная какой-нибудь кислотой. И унитаз рыночно оптимизирован, от одного до второго спуска воды должно пройти не менее часа.

Он швырнул в стену почти опустевшую бутылку «Сантори». Не разбилась, а казалась стеклянной, да и сам вискарь – ничего; но всё-то у япошек с подвохом. И стене хоть бы хны – она крепче и стареет медленнее, чем он. Обидно для венца творения. Упавшая бутылка пополнила слой мусора на полу – одноразовые стаканчики, грязные шмотки, банки из-под пива, листы несминаемой пластиковой бумаги. Он не пускает робоуборщика, когда тот совершает свой объезд – хрен знает, куда отправится видеозапись, сделанная его видеокameraми, похожими на выпученные крабы глаза.

Как он ждал, когда помрет дед, чтобы продать дом в Висмаре и начать свой собственный проект. И какими мелкими клетушками казались после дедовского дома все съемные квартиры, когда то и дело втыкаешься носом в стену, и даже не открыть окно, иначе накроется кондиционер. Поэтому ты обречен нюхать запах китайского линолеума и гниющих отбросов из бачка. Однако и те съемные кубики выглядят дворцами по сравнению с хармонтским склепом без окон, в котором он теперь доживает век. Или назовем его жизнеутверждающе – шкаф... Всего лишь неделя съемок – и дедовские деньги кончились, не успев начаться. Потом появился Хаким Пачоли. И, так сказать, оказал содействие. Сколько он теперь должен этому липкому левантийцу с глазами-маслинами? Неохота считать. Влом даже подсчитать, сколько он уже сидит здесь, как моль в шкафу. А ведь пора на что-то решаться.

Внезапно зазвонил телефон. Нет, не его мобильный, а стационарный, замаскированный под пепельницу. Голос звонившего напоминал о скрипе дверных петель.

– Эй, пруссачок, про долг не забыл? Каждый божий день он увеличивается на два процента. Два процента – это не так мало, как тебе кажется. Поторопись, не жмись, или у тебя в башке одна протухшая капуста? Знаешь, каковы человеческие яйца на вкус? Если будешь таким же тупым, как и раньше, то скоро узнаешь. Кстати, это будут твои хилые яички, размером с перепелиные.

И гудки. Вот зараза. Все-таки его вычислили. Он как раз про Пачоли вспомнил, словно почуял подбирающиеся неприятности.

Может, бросить все и вернуться в Висмар?.. К своему наследственному позору... Нахлынувшие после объединения «весси» выставили его отца, оберста, из армии, предложили «перелучиться» на повара. Потомственного прусского вояку – на повара! Поварской колпак не шел ему, так что в основном он сидел без работы, хлебал пиво вместе с простыми парнями, которых вышвырнули с верфи, радикально сокращенной после того же объединения – она ж делала пароходы для Советов. Однако папаша сумел все завершить достойно. Даже красиво – бросился на меч, а ля Ганнибал. Правда, меч был ножом для разделки рыбы.

И дед держался достойно. Между прочим, не пил, только ходил по дому, скрипя половицами. Туда-сюда, вверх-вниз. Звук был почти такой же, как в этом долбаном отеле. Хотя здесь, конечно, нет никаких половиц. Дед вообще-то был супер – он такое еще помнил... Рассказывал, что в 1938 году ряд высокопоставленных прусских офицеров составил заговор, захотели скинуть австрияка – на венской истеричке тогда еще не было ореола побед. Вышли на контакт с англичанами, а те – извините, нет. И Ади, и Бенито им были нужны, чтобы сокрушить колосса на востоке. Австрияк заставил деда воевать с русскими, вместо того чтобы отнимать Индию и Африку у англосаксов. Дед просидел у русских в плену шесть лет, выучился их языку. С добром, кстати, вспоминал, там его даже подкармливали местные бабы – и конвой на это сквозь пальцы смотрел. Так что все Лауницы по-русски неплохо «балакают», наследственно...

Вот дерьмо, явно шум шагов в коридоре, да еще приближается к его дверям... Лауниц почувствовал, как заколотилось сердце. А если не кажется? Может, те, кто давил на мозги по телефону, сейчас здесь? Или это полтергейсты лезут с синими мордами и провалившимися

носами... Из оружия в комнате только пустые пластиковые бутылки, тогда что, отплеиваться от супостата?.. Но вроде затихло.

А если ты просто тихо шизеешь и сходишь с катушек, Александр Лауниц? Сколько ты уже здесь маринуешься? Посчитай, наконец. И считать неохота, ведь все дни похожи на один. Или, может, это один и тот же день? И каждый божий день очередная попытка сделать шедевр разбивается вдребезги о страх, как бригантина о скалы. Страх, что облажаешься снова... Каждый день осточертевшая пицца, которую, похоже, задницей пекут. Каждый день, вернее каждую ночь, – бутылка вискаря. Каждую ночь... сеанс мастурбации с нейроинтерфейсом, воткнутому в разъем за ухом, и грубый тяжелый сон, будто в бетон закатали. И беспокойство не уходит даже во сне, будит его по несколько раз за ночь. Еще какие-то секунды после пробуждения пытаешься вспомнить во тьме – где это я, зачем, кто я, на хрена я? А потом опять наваливается тоска, тяжелая как туша зарезанного борова – «всё, приплыл».

Кто-то топчется около двери? А если посчитать это за позитив? Хотя какое-то разнообразие.

Поймал с пола бутылку и втянул несколько последних капель «Сантори». В натуре, переминается кто-то за дверью с ноги на ногу.

Сейчас как возьму вазу, в ванной собью дно, получится то, что называется у русских «розочкой». С немецкой основательностью обмотаем платок вокруг горлышка. Будто даже кураж почувствовался. В атаку марш...

Лауниц вылетел из номера, будто пробка из бутылки шампанского. Показалось, что в коридоре мелькнула какая-то фигура, стал догонять и... свалился на лестнице, которая здесь напоминает трап на корабле. Хорошо, хоть не наехал пузом на собственную «розочку».

Вот незадача, опять он лузер, тупой и пугливый, это как диагноз. После удара о ступеньку голову затащило тяжелой болью, из нутра поднялась дурнота.

Лауниц нехотя оторвался от пола, машинально пошел вниз, зажимая рассеченную кожу ладонью, хотя понимал, что никого уже не догонит; может, просто захотелось на воздух. Прошел мимо стойки робохраника, протянувшего, словно руки, сканер электромагнитного поля и детектор газоанализатора – да отвали ты. Открыл наружную дверь.

От здания гостиницы, напоминающего елочную игрушку из мятой фольги, на запад тянулся пустырь. Бурьян, разбитый им асфальт, ржавые остовы машин – когда-то здесь была помесь автосвалки с авторынком, торговали не столько поддержанными автомобилями, сколько запчастями оптом и в розницу. Но и она вымерла. Осталась только потрепанная вывеска «Продается...» Что – пустырь, ржавчина? А за экс-автосвалкой, где-то через километр, граница Зоны. Над ней какое-то марево, как при жаре – мол, не пьйся. И запашок чувствуется – в самом деле, от нее исходит пряно-сладковатый запах. От дерьма пахнет цветочками. Инопланетяне были ребята с юмором: прилетели, присели, приспустили штаны, облегчились, вытерли, приснули дезодорантом и давай дальше. Пусть теперь туземцы размышляют, что бы это значило, благоговейно суют пальцы в это «гэ», тщательно обнюхивают и облизывают.

Лучи заходящего солнца золотят сторожевую вышку, на которой сейчас никто не стоит. На границе Зоны, конечно, осталась кое-какая классика: контрольная полоса, трехрядная колючка, она же спираль Бруно, но главную роль теперь играет автоматика и телемеханика. Если проехать вдоль этой границы к югу, там есть КПП, оформленный маленькой линией Мажино в виде лепестковой стены – метров на двести, на более длинную денег не выделили. С северной и восточной сторон есть еще пара КПП, но без стены. Ну и пяток блокпостов там и сям, где по старинке кто-то сидит, но, в основном, только похрапывает... За колючкой как будто то же, что и перед ней. Поле ломаного асфальта, сквозь него пробивается какая-то дрянь, похожая на лобковую волосню, кое-где ржавые остовы машин – это вообще антиквариат, шестидесятые годы. Кажется или нет, но как будто видны легкие голубоватые посверки в кабинах мертвых авто. «Ведьмин студень», что ли? Ах, блин, как он раньше не замечал –

неужели это розовый «кадиллак» 1962 года, огромный как линкор, с ракетными молдингами, в идеальном виде словно музейный экспонат – на память о том, как русские сделали амеров в космосе. А рядом настоящий «Роллс-Ройс Серебряное облако», только не серебристый уже, позеленевший, будто лишайником покрыт.

Вдоль границы зоны, где-то на высоте метров сто, промелькнуло что-то напоминающее падшего ангела в разорванном на зад у плаще. Наверное, дрон, выполненный по схеме «утка» с толкающим винтом – такие лучше выдерживают типичный для Зоны вертикальный гравитационный выброс, из-за которого летающая машина переходит на критический угол атаки. Кстати, Зона впервые показала, что с ней шутки плохи, когда звено «старфайтеров» в полном составе свалилось над ней в штопор.

Читал Лауниц на каком-то левом серваке, что официальная граница Зоны не совпадает с истинным периметром – он колеблющийся, пульсирующий. От прежней стены, когда-то стоявшей на границе, практически и следов не осталось, словно не тридцать лет прошло, а тридцать тысяч. Но периметр облеплен датчиками и сенсорами, фиксирующими изменения поля, сейсмические и звуковые колебания. Вдоль него ползают самодвижущиеся и прыгающие мины «кузнечики», связанные, по слухам, стайным интеллектом – они реагируют на контур объекта. Есть несколько рободотов; если датчики дадут сигнал обнаружения цели, из шахты вылезет а ля краб крупнокалиберный пулемет с вычислителем целей и стегнет свинцом по брюху. При необходимости появляются ударные дроны или F-35 с натовской базы милях в двухстах к югу. Вжарят с безопасного расстояния, мало не покажется. Так что все вольные старатели постепенно сдулись – кто из них не двинул кони, тот где-то срок тянет и не скоро нас посетит.

Лауниц неожиданно почувствовал приступ зависти к Зоне, вернее к тем, кто ходил в нее. К тем, кто реально дергал ее за сиськи, а не дробил на нее, засунув в разъем за ухом цилиндрик глюкера² с начинкой из цифровых приключений.

Нынешние сталкеры – это давно не герои старшей и младшей «Эдды», а скромные служащие, которые ходят на цырлах перед «Монсанто» и кормятся у нее с руки.

А те прежние реальные сталкеры играли с красоткой по имени смерть, и если добивались своего, то выигрывали не только жизнь и хабар, но и битву за достоинство и честь. И тогда можно было радоваться и вкусу хлеба, и градусу водки, и шелковистой коже подруги, не берущей с героя ни гроша...

Лауниц перешел через улицу и пнул стальной замызганный ящик, который когда-то продавал сигареты.

Неожиданно на нем зажглась лампочка, открылась панель с экранчиком и послышался приятный, и как будто даже немного пропитой голос робопродавца:

– А тебе есть уже шестнадцать?

Это был хороший знак.

Практика доктора Альтравиты

Закурил. Кажется, дрожь стала меньше и голове легче. Набрал телефонный номер.

– Здравствуйте, вы позвонили в практику доктора Альтравита...

Роботесса со звенящим от своего небиологического счастья голоском. В этом городе только автоматы и кучи мусора... Не город вернул себе Зону, а помойка вышла из Зоны и распространилась на весь город.

– Через неделю, пятнадцатого, в шесть вечера, вам так удобно, господин Лауниц?

– Да мне все удобно, киска. Только ждать долго. Кстати, у тебя какой размер?

Не реагирует, значит точно железяка.

² Нейроинтерфейс для переноса в мозг наркотических психокодов, использующий разъем в черепе.

– И не забудьте захватить с собой страховое свидетельство и идентификационный документ.

– Забудешь у вас.

Платить придется наличными, долларов двести не меньше. Да пусть подавятся... Лишь через неделю. Он с удовольствием двинул бы прямо сейчас куда-нибудь. Но в этом долбаном городе некуда пойти. Несколько оставшихся за пределами Зоны цехов металлургического завода с грехом пополам превратили в музей, развесив там мазню орангутанов под грифом современного искусства. Сейчас там ноль целых хрен десятых посетителей. Такой музей оказался слишком «силен» даже для страны, где на Мону Лизу обратили б меньше внимания, чем на тарелку с сосисками. Есть еще несколько баров, где сидят местные, сильно облажавшиеся граждане и вспоминают, как было раньше, когда город был запружен туристками в мини, которые мечтали потрахаться с крутым мужиком, ходящим в Зону. Это да, во время туристского бума хармонтцы стали наглыми и раскормленными; закрылись даже предприятия, которые еще оставались за пределами Зоны; зачем вкалывать, если можно корчить из себя отвязного парня – супер-пупер-сталкера...

Неожиданно снова затренькал телефон. Что, снова албанцы? Неужели они и мобильный вычислили? Нет, это... Опять роботесса.

– Господин Лауниц, вам звонят из практики доктора Альтравиты. У нас один пациент отказался от визита. Мы можем предложить вам побывать на приеме сегодня.

– Да, да, я согласен, приеду, поцелую непременно в ротик.

– Извините, господин Лауниц, не совсем понимаю, а «поцелую непременно в ротик» к делу относится?

– Конечно, нет, только к развлечению.

Наверное, он все-таки уже извращенец, ему нравится общаться с железяками. Так, наведем лоск, бреющий крем на лицо, шампунь-порошок на голову... Город-то небольшой, а фиг куда-либо доберешься. Мэрия, вернее ее жалкие останки, поддерживает пару-тройку автобусных маршрутов до даунтауна. Но Лауницу не туда. И ни одна тварь, сидящая в проезжающих мимо внедорожниках, не останавливается. Теперь, если иногородний проезжает через Хармонт, то даже не тормозит; разве что поссать приспичит. Инопланетян, что ли, бояться, или, может, заразы.

Непонятно, как насчет заразы, но инопланетян точно не существует. Если бы они существовали, то наверное вернулись бы, чтобы прибрать свое барахло или чтоб окончательно прикнопить Землю, как англосаксы прикнопчили когда-то аборигенов всяких.

В итоге Лауница подбросил какой-то дальнобойщик-мекс, еще не просекший ситуацию. Если бы латино не выводил по дороге свое гнусавое «весаме мучо», то можно было б сказать, что хорошо добрался.

Клиника снаружи выглядела прилично, справа от нее заброшенный элеватор, слева – франшиза «Синтетик Лав». В витрине – чудесные секс-машинки, призывно надувают губки, милые куколки из качественного коллагена и силикона, те самые, которые могут все, от бесед на тему половых свобод и ущемления гейских прав до *этого самого*. Двадцать заранее запрограммированных поз и еще можешь лично запрограммировать столько техносексуального разнообразия, сколько сумеешь. Лауниц на минутку задумался, почему он еще не завел себе такую подружку, «долли», «пусси» или какую еще киску. Жизнь в Новом свете рациональна: если тебе не дают «девушки» младше 60 лет, то зачем тебе снижать качество жизни и ломать самый важный орган в занозистой старушатине? Надуй же искусственную красотку, налей в нее воды и пользуйся. Да, у нее внутри коллаген и силикон. Но у натуральной дамы внутри тот же коллаген, а еще полипептиды, сахараиды и жиры – при отдельном рассмотрении эти продукты тоже выглядят не слишком привлекательно, если не сказать мерзко... Лауниц поспешил зайти в дверь.

Там, конечно, минимум персонала и максимум роботизации. Робохраник в пластмассовой фуражке – она да глазки многоканальных видеокамер придают ему вид терминатора. А щупальцы-зонды обозначают сходство с головоногим моллюском. Когда они с каким-то шуршанием и шипением проносятся около твоей шеи, то появляется очень неприятное ощущение. У робохранника есть еще три длинных носа, которые вынюхивают биополимерную взрывчатку в изолированных полостях твоего тела, норовят чуть ли не в задницу залезть. Либо псих сегодня опасный пошел, либо врачи тоже записывали.

Помимо Лауница, сегодня в приемной имелось еще двое. Какой-то типовой местный жирдяй, они тут поголовно набирают центнер к совершеннолетию за счет безостановочного пожирания чипсов и хот-догов с овкуснителями. А потом у них начинается депрессия, оттого что надо переходить на диету... И еще дамочка не совсем местного формата, аккуратненькая.

От нечего делать попробуем ее просканировать. Да, не шибко разглядишь из-за этого долбаного дерева с искусственным геномом и квазизживыми птичками на пестрых ветках; только видно, что туфли и чулки у нее старомодные. Кто сейчас носит чулки, кроме пенсионерок? Сейчас носят «вторую кожу», гладкую и глянцевою, как у мультяшных девок из «анимэ», выращенную в Шанхае на искусственных полисахаридах и трупном коллагене. Однако ж ножули у этой мадам все равно ладные, точеные. Так что простим.

Позвякивание буддийских колокольчиков означало, что Лауница вызвали к врачу. У него шевельнулось недовольство – попозже бы, тогда б успел эту дамочку закадрить. Первый раз за два года. Мог бы. Чтобы снова себя уважать...

Доктор Альтравита оказался вроде как латино, на стене куча всяких дипломов в рамках, которые доказывают, что он сертифицированный, опытный, лауреат, отсосал у самого Гиппократ. Короче, присутствуют типичные фишки иммигранта.

Невысокий крепыш с лысинкой, обрамленной барочными завитушками слипшихся волос, с волосами под носом, напоминающими усы, и острыми-преострыми глазками завистника (буравчики он, что ли, туда вставляет?) начал с того, что прокашлялся. Казалось, что он сейчас запоем.

– Если бы ваши проблемы, господин Лауниц, надо было назвать одним словом, то какое бы это было слово?

Вот так задал вопрос. Если одним словом, то это – Хармонт.

Хармонт – плачевный итог 15-летнего жития в Новом свете некогда молодого и талантливого человека – по крайней мере, таковым он себя когда-то считал. И в отношении молодости был совершенно прав. Алекс Лауниц спрятался в Хармонте и «Кабуки», чтобы ничего не напоминало о его провалах, о потерянных годах. О том, как свистнули его лучший сценарий, по которому сняли один из наиболее успешных комедийных фильмов позапрошлого сезона – «Человек, который не спускал воду». По счастью, он не читает хвалебные рецензии на него. В отеле кладбищенского типа есть только один вход в сеть, причем за отдельную плату, так что можно абстрагироваться и не быть гостем на собственных похоронах. Но как после такого решиться на новую работу? И что виновато? Аура неудачника или грех предка – может, прапрадедушка изнасиловал овцу, и она прокляла его род навеки? Или же просто любому продюсеру видно, что он слюнтяй, которого приятно обобрать?

– Доктор, если назвать одним словом, то, наверное, это страх... И от него не избавиться с помощью дешевых трюков из кинофильмов. Типа «поверь в себя», «будь какой ты есть». Мне не во что верить. Мне не на что опереться в моем прошлом – я проигрывал всегда.

Доктор подошел к окну, посмотрел на эстакаду, на которой когда-то сыпалось зерно из бункеров в вагоны, и сказал как будто не без удовольствия:

– Подумывали о самоубийстве?

– Нет... То есть... Если точнее, я иногда думал о том, как достойно и, можно сказать, красиво, ушел из жизни мой отец.

Альтравита поспешно уселся за стол и довольно ударил по нему ладошками-котлетками.

– Это, друг мой, первый шаг... Первый шаг по этой лестнице, ведущей вниз. Которая заканчивается сами знаете где. На столе в морге, – улыбка развела в стороны его красные тугие щеки. – Но хорошо, просто замечательно, что вы искренни со мной.

Доктор не нравился Лауницу. Вся эта мишура на стенах показывает, что будет жопу рвать, чтобы сделать карьеру или хотя бы не потерять практику. Хотя его можно понять: чтобы выживать и выживать неплохо в такой дыре, как Хармонт, надо пользоваться любой возможностью заработать. Сейчас Альтравита, похоже, готов предложить пациенту патентованное средство от фобий и депрессий из сушеных яичек таракана.

– Вы, конечно, слыхали о серотонине, но повышать его уровень искусственно – это дешевая уловка. Ваше заболевание не лечится, господин Лауниц, – уверенно сказал доктор. – Так же как не лечится неудачная жизнь. Если не считать лечением то радикальное средство, к которому прибег ваш отец. Офицер прусской школы, если я не ошибаюсь.

Лекарь умеет не только портить настроение, но и неплохо подготовился к встрече, собрав кое-какую информацию, и это еще больше увеличивает желание расстаться с ними поскорее.

– Такое впечатление, что вы не хотите выписать мне даже валерьянку. Мне как, пора на выход?

Альтравита опять шлепнул своим «котлетками» по столешнице, которая была настолько гладкой, что даже раздался чмокающий звук.

– Конечно нет, у нас еще все впереди.

Да он гурман, любит поиздеваться.

– Интересно, что? Лоботомия?

Доктор поиграл пухлыми губами под чем-то напоминающим усы.

– Я сказал, что шансов вылечиться у вас с таким прошлым нет. Есть, конечно, средства, которые приглушают симптоматику, но они обладают пагубным эффектом привыкания. Чтобы поддерживать прежнее воздействие на психику, надо все время увеличивать дозу. И это завершается весьма печально. Передоз – и печень накрылась, когда еще новую отклоняют и неизвестно хватит ли денег, а тут уже сердечко лопнуло. Финита ля комедия. Оплата кремации за счет продажи внутренних органов – тех, что получше.

К чему-то он все-таки подводит? Нельзя ли ускорить этот томительный процесс?

– Я так понял, что пилюли не помогают. И я слышал, господин доктор, что прошлое невозможно изменить даже в цирке. Да и нужно ли? Какой толк внушать человеку, что у него прекрасное прошлое, если у него дерьмовое настоящее.

Альтравита энергично помотал головой:

– Насчет невозможности изменения прошлого вы сильно ошибаетесь, господин пациент. Психиатрия действительно долгое время напоминала цирк, но сейчас это одна из естественных наук. Если прошлое вам не нравится, то мы просто влезем в него и исправим. Поменяем его на другое, хотя бы в вашей памяти. Со временем вы привыкнете к нему, и оно станет вашим.

Доктор сейчас не улыбался. Хотя это еще ничего не означало – может быть, пациент проходит изощренный психологический тест.

– Вы мне что, пересадку мозга предлагаете? – Лауниц поднялся с кресла. – Я, конечно, блин, облажался по-полной. Но на роль подопытного кролика не претендую.

Вскочил и Альтравита, как будто собрался перегородить путь к двери. Заговорил горячо и страстно:

– Бойтесь экспериментов? Да вы посмотрите в окно, Лауниц. Разве вы не видите решеток вольера? Не замечаете доброе лицо экспериментатора размером с полнебосвода? Мы все тут подопытные мышки. И раз вы здесь оказались, вы тоже мышка. В Хармонт так просто не попадают. Это только кажется, что все добровольно. Вот и рабочий-кули вербовался на плантацию в малярийных джунглях якобы добровольно, на самом же деле – чтобы не сдохнуть с

голода. Перед тем заботливые дяди в пробковых шлемах сделали все для того, чтобы он вместе со своей семейкой начал подышать с голода.

«А крепыш-то прав, – неожиданно подумал Лауниц, – хоть и артист». Просто так и совершенно случайно в Хармонте не оказываются. Так же как и в кабинете доктора Альтравита. И все тот же «богатый» выбор, как у кули – между сдохнуть по-быстрому в канаве или еще немного пожить. Лауниц снова сел в кресло.

– И где поднос с инструментами, не вижу щипцов? Мозги-то через нос будете вытаскивать как древние египтяне или через зад, как нынче принято?

– Я понимаю ваше нетерпение, но все по порядку. Это не заполнение вашего прошлого чужими воспоминаниями, но, скорее, изменение вашего прошлого опыта за счет внедрения нужных навыков, рефлексов, сконцентрированного, так сказать, мастерства, что в итоге вырабатывает у вас правильное отношение к жизни в настоящем. А все дурное в вашем прошлом, что вас травмирует, обездвиживает, деморализует, станет как бы чужим для вас – плюнуть да забыть.

Лицо у доктора сделалось как у фокусника-иллюзиониста, сейчас-де удивлю – не цирк, но близко – и тут открылась дверь-диафрагма в соседнее помещение. На фоне аскетично-антикварной обстановки кабинета оно казалось какой-то дискотекой. Здесь обнаружилась и первая медсестра, хорошенькая азиатка с леденцовым ротиком, похожая на «долли» из соседнего магазина.

– Пойдите, пойдите, доктор. Тут затевается что-то капиталоемкое, а у меня даже страховки нет, ни провинциальной, ни частной.

– А вот об этом не надо волноваться. Половина того, что еще дышит и движется в Хармонте, держится на пожертвованиях и благотворительных акциях, начиная с завоза просроченных продуктов и заканчивая раздачей бесплатных презервативов. Так что устраивайтесь поудобнее.

«Хорошо здесь», – подумал Лауниц двадцать минут спустя. Операционный стол оказался чем-то мягким, словно бы состоящим из ласковых объятий. Ненавязчивая, но расслабляющая музыка, дзен-картинки на потолочном стереоэкране: все вытекает из пустоты и все в пустоту возвращается. Азиаточка, помахивая своим маленьким, но эффектным бюстиком и чуток оттопырив губки, со всем старанием размещала датчики на груди и голове Лауница.

Поймав его взгляд, она хихикнула:

– Вы так смешно говорите по телефону, господин Лауниц.

Оказывается, это была не роботесса. Но ничего, вроде не обиделась. Может, пригласить ее куда-нибудь? Или что, она все время так хихикать будет? Услужливое воображение с готовностью нарисовало Лауницу, как азиаточка проводит ему интимный массаж, трудясь всеми частями тела.

А вот «укус» в районе пятого шейного позвонка обеспокоил. Но, как объяснил Альтравита, обычный скин-коннектор за левым ухом не сопрягался с нейрокабелем, нужным для «лечения памяти». Так что пришлось ставить новый разъем.

– Доктор, а если что-то пойдет не так, можно будет вернуться к исходной точке?

– Друг мой, мы живем в нелинейном неравновесном мире и полный откат, конечно, невозможен. – Альтравита с удовольствием провел рукой по лысине, словно принятие второго закона термодинамики протолкнул его приятель. – Но если эксперимент пойдет не туда, мы всегда сможем подкорректировать его ход... Кстати, не забудьте ознакомиться с необходимыми документами и подписать их.

Побег из Хармонта

Через неделю из отеля «Кабуки» стильной раскачивающейся походкой вышел человек в потертой кожаной куртке стрит-рейсера, с рюкзачком за спиной, и решительно захлопнул дверь ногой. Мелкий дождь завил его светло-рыжие волосы, делая похожим на викинга, – так он, по крайней мере, подумал, поэтому не стал натягивать капюшон. Человек подошел к трассе, где свет фар красиво размазывался во влажном воздухе. Под его ноги лег скайборд, миллион микроколесиков на наноподшипниках без трения, еще больше маховичков – накопителей движения, да еще гироскопический стабилизатор.

Его лассо было наготове – едва видимый тросик из УНТ с гекко-липучкой на конце. Искатель удачи решительно разогнался на доске и – в атаку марш. Рядом проносится борт, теперь – бросать лассо.

Кажется, получилось – зацепился за грузовик, теперь несется во весь опор; если навернется, то точно половину шкуры на дорожном покрытии оставит. Но сейчас Лауниц не боялся, он только оценивал опасность и принимал решения. Три минуты адской езды на скорости выше пятидесяти миль в час – это хуже, чем ковбою на хвосте у буйвола, и надо успеть отцепиться, иначе проскочишь свою остановку.

При отстыковке сильно дернуло назад, но обошлось... А все-таки теперь он ловкач – не трусит, не комплексует. И у него кое-что уже получается. Лечение-то помогло.

Всё, господа местные жирдяи, счастливчик Лауниц сваливает!

Прощай, чертова дыра Хармонт. Можешь поцеловать меня на прощание с прицмоком в заднюю полусферу. Сейчас зайти в придорожную кафешку, залить там в желудок чашечку дерьмового кофе и порцию отчаянно вкусных химикатов, называемых гамбургером. Затем подойдет междугородний автобус. Как все удачно складывается – всего три сеанса у Альтравиты и результат налицо. Но крепыш доктор зря надеется, что Александр Лауниц вечно будет у него в роли подопытного кролика. Он снова поверил в себя. Ему теперь плевать на прошлое, он не парится из-за былых неудач. Он уже договорился с одной небольшой студией на западном побережье, там его берут на позицию помощника режиссера. Пока только временно... но там или ишак сдохнет, или режиссер скопытится от передоза.

В отличие от яркого света, обычно заливающего такие заведения, в этой кафешке было сумрачно. Кто-то буркнул около выхода, что «из-за грозы полетела подстанция и сейчас электроснабжение идет только от хилого дизеля, выделенного энергетической компанией».

Рыхловатая блондинка с бюстом, уверенно переваливающимся через стойку, отказала Лауницу в гамбургере, но предложила яичницу с беконом. В самом деле, из-за чрезмерного употребления в пищу пиццы он стал не только тупым, но и забыл о таких вкусностях жизни, как глазунья со шкварочками. Радостно вдыхая табачный дым, Лауниц устроился за столиком – хорошо, что хоть не пластмасса, которая смертельно надоела ему в отеле, а нормальная цельнодеревянная столешница.

В кафе десятка два истинных хармонтцев. Черная футболка с зелеными инопланетными рожами и надписью «Я – из Зоны», какая-нибудь хрень в носу, изображающая «интерфейс межпланетного общения», засаленные волосы с гирляндочками светодиодов, изрядно поношенные ковбойские сапоги с загнутыми носами. Играли в идиотизм, пока он не сделался настоящим, клиническим, доигрались... Может, написать статью о Хармонте, в какую-нибудь из газет западного побережья?

Пока радостно хрюкали у хорошо наполненного корыта и шастали по разнообразным борделям «величайшего в мире центра утех “Ла Луна”», хармонтцы сами верили, что они – «свободные и независимые», да еще «на переднем краю человеческой цивилизации», и потому всех имеют. Но нынче инвестор сюда не идет. Зона, вокруг которой раньше бродили стада туристов, больше не канает. Этот аттракцион, где ничего нельзя потрогать и никуда нельзя заглянуть, уже не продается. Есть же игрушечные зоны-диснейленды, где можно все помазать, послушавать, всему испугаться, от всего убежать, все победить – за полсотни долларов вместе

с пивом и чипсами; туда и едут любители Посещений, тентаклей, инопланетных монстров и так далее.

Хайтековские фирмы тоже потеряли интерес к Зоне, потому что не оправдались надежды на быструю прибыль и копируемость тех находок, которые доставлялись оттуда.

Невоспроизводимый объект с непрогнозируемыми свойствами и непредсказуемыми состояниями – это не та технология, в которую нормальный инвестор рискнет вкладывать капитал. А какая истерика в свое время на бирже царила; несколько дурней, у которых «вечные батарейки» стали размножаться делением, в мгновение ока стали миллиардерами, при том пара нефтяных монархий Персидского залива и один горяче-сланцевый штат скопытились и отправились в ад. А сколько было звона от масс-медиа – мол, не надо платить ни пенсий, ни зарплат, вставил «этак» в попу и полетел хоть на Луну, хоть в бордель «Ла Луна», полная свобода. Кто-то уже собрался Нобелевскую премию получать за объяснение того, как эти штуки превращают хрональную энергию в электрическую, побрился, умылся, галстук надел. А «этаки» взяли и в один прекрасный день разом увяли и отключились. И пара нефтяных монархий Персидского залива вместе с горяче-сланцевым штатом срочно восстали из ада.

Правительство сей страны и надправительственные структуры ООН тоже охладели к Хармонту. Чинушам тут уже не попиариться – встречи цивилизаций не состоялось. ООН фактически задвинула хармонтскую Зону в разряд вечно «тлеющих» точек типа Либерии: кто-то кого-то убивает, кто-то что-то ворует, однако никаких особых ресурсов там нет, так что нести туда порядок слишком накладно. Даже вечный спонсор прекрасных мероприятий – Россия – закрыла кассу. Одно время ООН присылала в Хармонт такие же второсортные «голубые каски», как и в Либерию – бангладешцев и кампучийцев. Шоколадные ребята приезжали из тех краев, где народ тачает за пять долларов в день всякое шмотье для западного потребителя, и потому отличались только в магазинах «секонд-хэнд». Через полгода их потихому убрали, когда они принялись насиловать баб, идущих на бровях из питейных заведений на Даунинг-стрит. Причем делали это так быстро, что бабы и запомнить их не успевали.

Граждане, что пошустрее или поспособнее, давно свалили из Хармонта, остальные стали нерентабельными, злобными и завистливыми. В бывшем городском парке Мэй-корт работает постоянная барахолка. Там торгуют контрафактным нейрософтом, подкожными боди-коннекторами, клейкими трансодермами, доставляющими дурь через кожу в пузырьках-липосомах, органами в сосудах Дьюара (выращенными на нелегальных колониях зародышевых клеток, а то и просто вырезанными албанскими бандитами у какого-нибудь зазевавшегося бомжа), контрабандными биочипами для управления опасными животными, змеями и осами. Еще якобы золотыми запонками и часами «Роллекс» из закрывшихся дорогих магазинов, на самом деле смастаченными из дешевого вьетнамского металлопластика. Мэрия давно смотрит сквозь пальцы на этот бардак: запрети его – так и город совсем опустеет. Полиция, конечно, туда захаживает, когда кто-нибудь двинет кони из-за купленной там игрушки, но после переполоха все возвращается на круги своя за вычетом пары-тройки чудаков, загремевших в каталажку. А к югу от города все поля скуплены «Монсанто», юркие индонезийцы и филиппинцы выращивают гэмэошную сою с генами тараканов. Им все по фиг, главное, что не пять долларов платят, а двадцать, и жрать можно с грядки. Хоть пиписки станут выращивать: «Слусаюсь, насыльник». Институт теперь напоминает базу по управлению беспилотниками – минимум людей. Говорят, «Монсанто» заправляет и там...

С самой периферии поля зрения до коры мозга потихоньку дошло, что в кафе есть кто-то знакомый.

Ага, он видел эту женщину в приемной доктора Альтравиты. Только тогда ее наполовину скрывало дерево с птичками, теперь стоящая уголком стойка. Но те же старомодные туфли и чулки, которые носят только пенсионерки. И те же ножки, стройные, с тонкими лодыжками,

такие в жирдяйском Хармонте редко встретишь. Или ошибочка вышла, это и в самом деле какая-нибудь старушка?

Неожиданно пришел кураж, хватит общаться только с призрачными дамами из нейроинтерфейса. «Надуй и пользуйся» – это тоже для несчастных извращенцев.

Лауниц подошел к стойке, будто взять пакетики с солью и перцем, а потом сделал несколько шагов и свернул за угол.

У окна сидела она и курила.

– Вы что-то тут забыли? – спросила женщина, когда он довольно неловко возник перед ней. – Я не подаю попрошайкам.

– Не забыл, а вспомнил. И пока еще ничего не прошу. Я видел вас в приемной доктора Альтравиты.

Она стряхнула пепел, ненадолго отвернула лицо к окну и лишь после паузы снова обратила свой взор на него. Все получалось у нее выразительно, с подтекстом.

– Ах, как замечательно. И что – это повод? Через приемную доктора Альтравиты проходит бесконечный поток психов. Хармонт, сами знаете, врачей мало, психопатов выше крыши.

– Это не повод, а причина.

Лицо ее окончательно приняло высокомерное выражение, которое прекрасно подходило ее серым, стального оттенка глазам. А шейный браслет из темного металла – на самом деле это, наверное, мягкий металлопластик – отлично подчеркивает холодок и строгость этой мадам де Сталь.

Лауниц понял, что фокус не удался и пора спешно сваливать. Но неожиданно она пошла на мировую и сказала:

– Хорошо, убедили, присаживайтесь. И принесите сюда свою яичницу, а то остынет и делается гадкой. Устроим тут сеанс взаимотерапии, это сейчас модно.

Пока он ел, все более сердясь на еду, которая так сковывает его, чего доброго и губы испачкаются, она сидела, отвернувшись к окну и пуская в стекло то струйки, то колечки дыма. Собственно, она была первая известная ему женщина, которая умела пускать колечки. По чуть вздернутому носу, мягким чертам лица и узкому подбородку он узнал в ней славянку.

Чем-то она похожа на одну артистку, которую Лауниц тщетно пытался привлечь к съемкам в фильме. Требовалась позарез звезда, хоть и престарелая, она бы вытянула фильм. Вера Фармига ее звали. Тоже вроде из славянок, фактурная женщина. Забавно. Впрочем, до Фармиги эта дамочка не дотягивает. Светлые локоны а ля 80-е вообще придают ей вид персоны из музея мадам Тюссо. Но что-то в ней есть. Хотя бы это декольте, довольно неоднозначное для похода в придорожную кафешку.

Кое-как добив яичницу, он понял, что самое время прервать молчание и, прокашлявшись, спросил:

– От чего вы лечились у Альтравиты?

Она и не подумала обернуться к нему.

– О, да это интервью. Однако даже врачи соблюдают тайну диагноза. Почему вы считаете, что я должна докладывать первому встречному о своих проблемах. Допустим, я – шизофреничка, бьюсь в истерику, регулярно глотаю ножницы, пилки и консервные ножи.

– Но вы хотя бы можете сказать, в вашем случае... прибегал ли доктор Альтравита к каким-то высокотехнологичным средствам?

– Хватит копать, спрячьте лопату. Я только знаю, что мой мозг на томографе похож на пирог. Если хотите познакомиться с женщиной, так и скажите.

– Вы, наверное, правы... Я года два не пытался познакомиться с женщиной, не говоря уж про девушек. А, как известно, тому, кто не пристает, всегда говорят нет.

Она посмотрела на него без тени улыбки, взгляд по-прежнему холодный, может, чуть менее презрительный. Но опять ее слова несколько диссонировали с ее видом.

– С «девушкой» вы, конечно, поторопились. Небось про себя бабой называете. В немецком есть слово «баба»; я знаю, вы же немец. По акценту видно, «р» по-своему произносите. Немец-перец, как у нас говорили. Пока в этом городе водились деньги, сюда отовсюду народ понаехал. Всякие «творческие личности», которые могут находиться где угодно, однако всегда оказываются около кассы.

– Мне отвалить?

– Не обязательно. Любая даже самая минимальная искренность заслуживает уважения. Хотите завязать разговор – затянитесь.

Она протянула ему свою сигарету. Да, что она его за стерильного ботаника, что ли, держит?

Он затянулся, почувствовав вкус ее помады, тоже какой-то старомодной, и вернул сигарету.

– А вы – русская?

– Для вас это имеет значение?

– Похоже, да. Я из восточной Германии. У меня, можно сказать, отца поломали за то, что он с вашими офицерами служил.

– Сочувствую. У меня папа тоже офицером был, морским, – взгляд ее, наконец, стал помягче. Когда нас раскатали в 90-е «доброжелатели» из-за океана, торговал кальсонами со склада вещевого довольствия, а рядом с ним на рынке стояла мама, кандидат физико-математических наук, с импортной колбасой. Раскатали, наверное, потому что мы как дети были, наивные, верили, что нам и в самом деле все добра желают. А вот теперь стали взрослые, даже слишком. Как вас зовут, кстати? Вольфганг, Зоннеунтерганг?

– Александр Лауниц. Можно Алекс или Саша.

– Что это вы так сияете, Саша?

– Я уезжаю. Прости-прощай, эта чертова Зона и этот сраный Хармонт. А я-то думал когда-то, что она вдохновит меня на творчество.

Она покачала головой и улыбнулась, первый раз.

– Ага, я кажется знаю вашу фамилию. «Проходная дьявола». Вы ж снимали?

– Еще и сценарий писал. И вам, конечно, не понравилось.

– Почему? Там есть интересные задумки, только заметно, что бюджета не хватило. Например, этот персонаж, антиквар Беренс, который столь хитрым образом заставляет героя идти в Зону... У меня, кстати, есть знакомый антиквар.

Что, теперь она его кадрит?

– Это форменное коварство. Неужели вы хотите заставить меня отказаться от отъезда и направить за безделушками в Зону?

– Почему нет? Спасение бегством не лучший способ поверить в себя. Допустим, вы удостоверились, что находитесь в свинарнике, вам надоело метать бисер перед свиньями. Но не думайте, что в другом месте как-то иначе. Вывеска будет другая, свиньи те же.

Она, пожалуй, слишком настойчиво увещевает его остаться. Неужели и в самом деле запала? Надо ж, впервые за пару лет женщина стала проявлять к нему интерес, не рассчитывая на немедленное материальное вознаграждение, а ему уже надо отчаливать!

– Звучит убедительно, но, тем не менее, иногда хочется поменять один свинарник на другой. И что может меня еще притормозить?

– Что-что, любовь, может быть, большая, сильная, – она снова улыбнулась. – Отчего это вы, Лауниц, застыли, вспомнили кадры из порнофильмов? Я вам про другую любовь... Короче, если у вас какая-то дыра в душе, то она переедет вместе с вами.

– Приятно было с вами посидеть, прощайте.

– До встречи в лучшем из миров, Саша. Меня, кстати, Вера зовут. Думаю, вы запомните.

Он встал, но она еще задержала, можно сказать, даже захватила его взгляд своим – как сачком. И тут он, к своему неудовольствию, осознал, что она все же красива. И глаза глубокие, и такое ошеломительное сочетание ярких, почти вульгарных губ с высоким лбом, а пальцы словно из мрамора выточенные. От мысли, что он сейчас навсегда утратит Веру, даже защемило где-то в груди.

Но Лауниц сделал несколько шагов от столика и все, наваждение прошло, сердце успокоилось. Он освобождается от хармонтской мороки, от бесконечных ночей в «Кабуки», от нейрочартриджей с дешевым порнософтом; завтра начнется новая жизнь. Будут и новые бабы, женщины, девушки. Бог с этим дешевым изданием Веры Фармиги.

Через двадцать минут он сидел на заднем сиденье автобуса, от которого немного пахло рвотой и выхлопными газами. И думал о том, что если бы не стал болтать с этой... как ее... псевдофармигой, то сидел бы на переднем. А там вибрация мотора не чувствуется и качает меньше. Но все равно хорошо. Завтра он на побережье, наверное, еще и купальный сезон не закончился. От мысли, что скоро он отправится в магазин покупать плавки, у него наступило такое радостное возбуждение, что он испугался резкой перемены знака у своего настроения; вытащил фляжку с «Джонни Уокером» и заглотил чуть ли не треть.

А через двадцать минут, когда пассажиры междугороднего автобуса проходили полицейский контроль, Лауница задержали. Грубо. Приставив пушку к затылку, выкрутив и сковав наручниками руки, уложив мордой в придорожную пыль. В сумке его обнаружилась контрабанда. «Прокладки», так на полицейском жаргоне назывались объекты из Зоны, вшитые или вставленные в обычные предметы обихода.

Еще через сорок минут, сидя в полицейском участке, Лауниц уже все понимал. Обидно так спалиться. Вера эта не случайно ему встретилась в придорожном кафе. Вот чертовка, да сгорит ее хвост в аду. Ее задачей было не выпустить его из Хармонта. Не случайно она упомянула какого-то антиквара. От него, наверное, и этот мудацкий бисер, который был назван мордатым сержантом – «черные брызги». Надо же, сидел с этой бесовкой и только клювом щелкал... глаза глубокие, губы яркие, декольте до третьей пуговички – все, чтобы отвлечь внимание от того, что делают ее руки. Наверняка ж Вера подбросила «бисер», то есть шарф, в который были вшиты эти «черные брызги», пока он пялился на нее. Она еще говорила не «метать бисер перед свиньями», но сама-то метнула.

«Черные брызги», маленькие шарики, похожие на дырки, которые как-то играют со светом и большую часть, видимо, поглощают. Сержант даже пояснил, что смысла и свойств этих дырок так никто вроде и не понял, может, это вообще какашки, но раздобыть их можно только в Зоне Посещения, а вывозить запрещено. Поэтому попался, который кусался... Фармига не Фармига, а обидно, погорел на первой же бабе, с которой решил пообщаться. Да как погорел, слил все надежды в сортир. Сержант сразу сказал, что дело пахнет статьей, по которой светит реальный срок.

Когда Лауниц растянулся на койке в камере, то почему-то улыбнулся, несмотря на то, что получил от полицейских пару крепких затрещин, «для ускорения процесса личного досмотра». Есть ведь и плюсы. Он не сбежал от Зоны. Он не дернет из Хармонта, как жалкий ссыкун в поисках новой норки. Он еще с Хармонтом по квитается. Когда отсидит. Хотя пока и не знает как.

Утром его неожиданно выпустили под залог. До заседания суда, с запрещением выезжать из Хармонта. Залог внес владелец антикварного магазина «Урарту»...

Манукян, армянин с кустистыми седыми бровями, ждал Лауница возле участка в своем новом шарообразном «Ганьсу».

– Это ваш «бисер» подбросила мне некая Вера, господин антиквар?

Он и так-то был суров на вид, а тут еще больше нахмурился, сведя брови в одну линию.

– Давайте так, господин Лауниц, не стоит кусать руку дающего. Насчет подброса – это ваша фантазия. Если вы будете ее столь неумно проявлять и дальше, то быстро вернетесь в камеру. Наказания сейчас в этом государстве почти такие же драконовские, как и у южного соседа. Пять лет суд вам выпишет почти автоматически, без раздумий. Вы ж понимаете, как много сегодня лишних людей, которые ничего не создают, и хотят только потреблять – славу, товары, забавы, удовольствия. Поэтому их пакуют и отправляют в тюрьму. А куда их еще прикажете девать? Производство ушло отсюда туда, где народ умнее, ловчее и делает все дешевле – в Южную Азию, в Латинскую Америку. А здесь только те, что надеются на чудеса Зоны. Надеюсь, вы все осознали. Куда вас отвезти?

– Осознал, извиняюсь. А отвезти в «Япону маму», то есть «Кабуки». Куда ж еще?

«Ганьсу» тронулся, идеально поглощая все вибрации.

– Да вы не обижайтесь на жизнь, Лауниц. Жить можно и в Хармонте, – сказал Манукян, передав управление своей шикарной китайской тачкой борткомпьютеру и немного разведя брови.

– А я и не обижаюсь, господин антиквар. Как говорил приятель моего отца, русский офицер: «Балтийцы не обижаются, балтийцы мстят».

– И хорошо, что у вас боевой настрой. Надеюсь, я в вас не ошибся, господин Лауниц. Кстати, зачем снова в «Кабуки»? Там ведь вам сто процентов не нравится. Это какой-то автоматизированный вольтер, а не гостиница. У меня над магазином есть свободная «студия», возьму не больше, чем в «Кабуки», то есть мало, а обстановочка там наверняка получше, человеческая. Напротив турецкий ресторан и дискаунтный минимаркет...

– Вы ж не любите турок, господин Манукян.

– Не люблю, – охотно согласился антиквар, – но кухню-то они у нас украли.

– Точно? А не наоборот?

Манукян снова сдвинул брови в одну грозную линию.

– Молодой человек, кочевники из центральной Азии появились в Малой Азии и Закавказье через несколько тысяч лет после того, как появились там мы. Еще Урарту...

– Ладно, ладно, не кипятитесь... я просто пошутил неудачно. И про Урарту я вряд ли чего запомню. В Хармонте, кстати, тоже полно кочевников и набеговая экономика.

– А с этим я согласен. Одно время сюда просто ломились искатели счастья и приключений со всего мира. Местные быстро потеряли господствующие высоты и, можно сказать, словно в резервации оказались. Алкоголизм, безработица, ожирение. Но потом в той же резервации оказались и залетные искатели приключений. Однако...

Антиквар замолчал.

– Вы что-то не договорили, господин Манукян.

– Однако еще ничего не кончилось и вы можете догнать свою удачу на третьем-четвертом галсе.

В «студии» антиквара обстановка была и в самом деле человеческой. Несильно пахло мочой – похоже, тут дожил свой век какой-то старик. Громадное зеркало в серебряной, что ли, оправе, на подставке бронзовая, чуть зеленоватая девушка – подражание Родену, обои из шелковистой ткани, на них старинные гравюры, изображающие русских казаков и кавалеристов, а также турецких армян. Еще на стенах казачьи шашки и кавказские кинжалы. Шкаф с книгами на армянском и русском – это ему точно не осилить. И неожиданно фотка морского офицера на фоне подводной лодки, стоящей на бочке неподалеку от скалистого серого берега. Далеко стоит, лица не разглядеть, но по форме ясно, что русский. И рядом, на гвоздике, кортик. Видать, Манукян – антиквар широкого профиля, флотские реликвии его тоже интересуют. Ясно теперь, откуда морские обороты в речи. Еще более чудная фотка, показывающая то ли место падения тунгусского метеорита, то ли... Может, Зона? Там как будто вагон на рельсах, но частью растекшийся, частью распавшийся на какие-то волоски. Этакая волосатая неаппе-

титная куча получилась. А что, надо и в самом деле сходить к туркам, от сочного донера он бы сейчас не отказался.

Лестница привела его в помещение антикварной лавки – выход на улицу был общий. Заведение выглядело закрытым, вот и табличка соответствующая на двери, но Манукян беседовал с посетителем. И вроде что-то торопливо сказал ему, как раз перед тем как Лауниц стал спускаться по последним ступенькам. Посетитель пришел с девицей, которая с бездумным выражением на смазливом личике жевала шумную жвачку-говорушку и активно выдувала из нее радужные пузыри.

Про посетителя Лауниц сразу почему-то подумал, что это сталкер, хотя никаких тебе шрамов и ожогов на физиономии, ни «берцев», ни куртки из мембранной самоштопающейся ткани. На вид, можно сказать, обычный ботан с тонкими нервными чертами лица – прямо избалованный мальчик из хорошей семьи. Только прозрачные хищные глаза выдавали его. И еще. Лауницу показалось, что он знает этого парня. Может, видел где-то, так же как и девку. И она зыркнула на него вроде даже с некоторым интересом.

Прозрачноглазый несколько нарочито посмотрел на Манукяна, типа кто тут еще у вас заваялся?

– А это господин Лауниц, талантливый сценарист и режиссер, снимает студию у меня наверху. По-моему, он еще собирается снимать фильм в наших краях.

– Ах, режиссер, – сказал посетитель и вроде подавил улыбку.

– Давно мечтала познакомиться с творческим человеком, – проворковала девица. – Это не то что ты, Марек, сделал дело, насосался пива и в койку.

– Вы явно несправедливы к Мареку. Жлобы, которым только пивка засосать, в Зону не ходят, – отозвался Лауниц. – Бандиты тоже, хотя и пробовали, но это всегда заканчивалось для них плохо. Чутья нужного, требуемых рефлексов нет. Наглость в Зоне не прокатит. Бандитам проще подключиться на последнем этапе, когда сталкер уже вышел из Зоны.

– Миф о герое-сталкере – это только миф, – покачал головой прозрачноглазый. – Вы отстали от жизни. Всерьез Зоной занимаются лишь несколько крупных фирм – у них силы, средства и надлежащее техническое обеспечение. А самое главное, это именно те, кто реально заинтересован в серьезном результате. Все, собственно, как и в экономике – вертикальная интеграция. Наверху – важняк, корпорации, ниже середняк, внизу планктон, который еще борется за то, чтоб его съели. И никто не хочет из этой пирамиды выпасть. Выпасть – значит, пропасть. Или в лучшем случае, стать помоечником, жрать чужие какашки. Все хотят наоборот.

– Всерьез занимается сейчас одна, – вклинился Манукян. – «Монсанто», точнее, ее дочерняя фирма «Монлабс» – последний серьезный игрок, который остался в Хармонте. Некоторые, скажем, антиквары толкуют, что «Монлабс» заплатила другим корпоративным игрокам, чтобы они отвалили подальше от Зоны Посещения. И в самом деле на смену алгебре пришла гармония – те отвалили, оставив шикарные офисы и лабораторные комплексы, с помощью которых они еще совсем недавно собирались осваивать ресурсы Зоны, брать патенты и купаться в прибылях. А мне сдается, что «Халлибертон», «Сирл» и «Байер» стали понятливее после нескольких таинственных смертей среди топ-менеджеров: один свалился с вертолета, другой с лошади, третий с горшка. И во всех случаях башка всмятку. В итоге заплатили-то именно «Халлибертон», «Сирл», «Байер» и еще несколько корпораций; как милые купили треть акций в «Монлабс» по страшно завышенным ценам и сели ждать, когда их позовут, со смирением вассалов.

Антиквар был явно в теме.

– А китайцы? – поинтересовался Лауниц.

– Никаких китайцев, русских и индусов сюда и на пушечный выстрел не подпускают; «Монсанто» пролоббировал в парламенте специальный закон... У этого мастодонта, без кото-

рого даже занюханный крестьянин не посеет ни одного семечка, есть время и неограниченные деньги, чтобы подождать...

– Фильм про Зону ни у кого не получилось и не получится снять, – добавил Марек; взгляд его, задержавшийся на Лаунице, был не то что презрительный, но не слишком уважительный. – Ни художественный, за исключением полной херни, ни документальный. Она не любит светиться... Ладно, двинулись, Ядя.

– А вы могли бы взять меня, к примеру, ведомым... в Зону? – неожиданно даже для себя спросил Лауниц.

– Ага, вы, господин режиссер, знакомы даже с жаргоном. Но вы меня с кем-то путаете. Я не сталкер, сижу в офисе, скучаю, разглядываю с помощью зеркальца, приделанного к ботинку, что у сотрудиц под юбчонкой.

Марек с захихикавшей Ядей прошел мимо Лауница, не оглянувшись и не скосив взгляда. Однако когда Лауниц посмотрел на то место, где только что стоял прозрачноглазый, то увидел там будто слабое зеленоватое свечение, словно там свивались и развивались очень тонкие и легкие светоносные нити. Правда, наваждение это быстро прошло. Или как это... есть же глазная болезнь «зеленых пятен». Печаль, еще сотню надо на визит к окулисту выкинуть.

– Вера хочет встретиться с вами, – сказал Манукян.

– Я не шибко-то хочу.

– Придется, уважаемый. Деньги для внесения залога дала она, – и пояснил: – Что общего между мной и ей? Да так ничего, подружился немножко, на почве общего интереса к антиквариату. Кортик этот, кстати, от нее.

– Понял, папаши ее.

Пробуждение личности

– Почему вы все-таки подкинули мне этот чертов «бисер», госпожа Загрязская? Что, хотели таким не слишком оригинальным способом задержать меня в этой дыре? Могли бы как-нибудь и иначе, типа «жить без тебя не могу, сладкий ты мой».

– Здесь не Венеция, конечно, но и не дыра еще. Задержать в самом деле хотела, хотя жить без тебя вполне могу. Только я ничего не подбрасывала. У вас были, наверное, и другие доброжелатели. Вспомните, не сидел ли какой-нибудь подозрительный типчик на заднем или переднем сиденье в том самом междугороднем автобусе. Такой, который глазками шнырял туда-сюда. Для них это обычный прием – подкинуть свой товар более прилично выглядящему соседу, которого вряд ли будут шмонать. А после полицейского поста забрать его обратно.

И в самом деле копошился там сбоку какой-то кент с угловатой физиономией, глазками-экскрементами и низким лбом – типичный мелкий воришка. Что ж, Вера удачно отмазалась.

– Вы – не вы, теперь уже все равно. А почему задержать-то хотели?

Она чуть театрально помедлила.

– Я – жена сталкера.

– Ух ты. Поздравляю, мадам. Хотя не завидую. Сталкер возвращается домой поздно или вообще приходит на следующий день; говорит, что был в Зоне, хотя, вполне возможно, у девочек в «Сольянке».

– Жена одного из последних независимых сталкеров, – с ударением произнесла она.

– Ага, продаете его мемуары? Увы, шансов пристроить сценарий даже про самого распоследнего архинезависимого сталкера просто кот наплакал. После того, как Верховен-младший снял крупнобюджетный фильм про Зону и, как говорится, взял кассу. Там у него такие два ковбоя, носятся на антигравитационных скутерах, бац-бац – и девку из пасти инопланетного

чудища хватать. А она еще недоеденная и вполне сексапильная. А оно вроде слизняка и слюнями девок портит, чтобы ему монстры рожали. Короче, весь изюм из булки выковырян.

Мда, остается добавить, у кого сперли сценарий ребята Верховена. Сперли и довели до весьма рентабельного примитива. Лауниц замолчал и понял, что сейчас уныние растеклось у него по лицу.

– Лично мне плевать на сценарии, это ваше дело, мне нужно, чтобы вы спасли моего мужа, – тряхнув старомодными светлыми локонами, твердо сказала Вера. – Сергей пропал в Зоне.

Он подумал, как должен выглядеть муженек этой решительной блондинки со стальными глазами. Что-нибудь с квадратной челюстью и очертаниями шкафа.

– И ради этого кто-то подкинул мне «бисер» в трусы?

– Насколько я понимаю, контрабанда была в шарфе. Вы его в трусах носите? Тогда я вас поздравляю, догнали моду завтрашнего дня... Ладно, вы – единственный, кто может это сделать.

Ух, стала давить на сантименты.

– Вот как. Несмотря на игру воображения и прочие тонкости сознания, вы, оказывается, не-брезгающая-ничем-леди. Вон Марек бы попросили, деньги у вас водятся.

– Марек Возняк – это школоты.

В ее голосе прозвучало неподдельное презрение.

– А я, значит, по-вашему ас с пятьюдесятью звездочками на фюзеляже? Бубновый туз без пяти минут! Дама, вы же ходите на прием к психиатру. Ходите дальше, вам там помогут.

– Уже помогли. Теперь хочу помочь себе и вам заодно.

У Лауница заскребло на сердце. Она или опасная психопатка, или есть то, о чем он еще не знает, но что имеет к нему самое прямое отношение.

Лауниц и Вера стояли на последнем этаже здания, где когда-то располагался Хармонтский филиал Международного института внеземных культур. Тогда прямо за институтом находился КПП и начиналась Зона. Потом граница Зоны откатилась к западу. А здание оказалось чем-то заражено. Заражение имело небиологический характер, какая-то наноплесень – репликанты, конгломерирующие в серый налет и пожирающие пластик, дерево, картон; в общем все, что на жгутик попадет. Говорили даже, что эту технозаразу индусы подкинули, потому что были недовольны результатами работы института. Но и после дезактивации ученые, ссыкуны известные, побоялись вернуться сюда. Немаленький «домишко» захватили сквоттеры, но и они ненадолго задержались – почти всех утянуло в Зону за легким хабаром. Какая-то последовательница Эйн Рэнд даже написала о них книгу «Жадность – это богатство». Разбогатели – на том свете. Почти никто из них не вернулся, жилая площадь очистилась. Сейчас одно из самых больших зданий Хармонта пустовало. По офисным помещениям гулял ветер, подгребая последние, еще не унесенные листы пожелтевшей бумаги и магнитные ленты от древнеассирийских ЭВМ.

Нечеткая граница Зоны проходила теперь в полукилометре к западу – и метрах в двухстах от проволочного ограждения. И заметна была по «черной колючке», в которой ботаники опознали мутировавший до жестяного состояния кизил. У этого кизила не было листьев, как и хлорофилла с фотосинтезом, но он вовсе не собирался помирать.

Зона отсюда напоминала живое существо: спиралевидный туман в ее центре как тело, его рукава, тянущиеся на север, юг и запад, как щупальца, просверки в его гуще – как глаза. И сладковато-пряный запах – то ли гниения большой мусорной кучи, то ли хищного растения, то ли грибного мицелия.

Лауниц подумал, что, возможно, Вера позвала его сюда, чтобы в случае отказа схватить недрогнувшей рукой за шкуру и утянуть с криком «ты мне за все ответишь» в пропасть. Ее край был тут же, за большим, на всю стену, окном, из которого вывалился стеклопакет. Если

она маньячка, то маньячки и любить, и ненавидеть умеют. Так что надо стараться поддерживать вялый разговор и править к выходу.

– Вам, господин Лауниц, пересадили память моего мужа, Сергея Загряжского, а если точнее – отпечаток его памяти, который доктор Альтравита, если помните, мемограммой называл. Я упростила врача сделать пересадку памяти моего мужа именно вам. А на пересадку, если вдруг забылось, вы согласились сами.

Так, дама сделала решительный ход конем. Этого можно было ожидать. Иначе бы она не пригласила его в такое неуютное местечко. Так, главное не нервничать, хотя чертовски обидно, если это правда – даже ком к горлу подкатил – играем на понижение. Но, скорее всего, она его просто разводит и на испуг берет.

– Но я не вспоминаю ничего такого, что было известно вашему пропавшему муженьку. Клады, артефакты, девочки в мини, танцующие на столе в баре. Кто там у него еще был в круге общения? Может быть, инопланетные чудовища в макси. Нет, ничего такого в моей памяти нет. Там – сгоревшие блоки питания от компьютера, рваные листы бумаги и много-много пустых бутылок.

Она пихнула носком туфельки какой-то обломок, и тот лихо улетел вниз. Похоже, мадам все-таки злится.

– Лауниц, вы же должны понимать, что не все так просто. Процесс усвоения донорской памяти сначала влияет на личность. Ваше эмоциональное состояние уже изменилось; где депрессия, где постоянный невроз? А я ведь знаю, что вы даже о самоубийстве подумывали; в общем, стояли на грани. Ваше прошлое теперь не гнетет вас. И действие «отпечатка» будет постепенно нарастать. Однако и то, что станет усваиваться вами, не будет иметь вербального характера, скорее, вызывать предчувствия, интуитивные просверки, изредка образы. Да вам же, наверное, Альтравита уже растолковывал.

А вдруг не врет насчет пересадки памяти от ее мужа, если и в самом деле? Тогда это объясняет, почему она все время вьется рядом с ним. Если это так...

Лауниц понимал, что он должен сейчас рассвирепеть, что-нибудь бросить, заорать, нельзя же так стоять и слушать, что ему засунули в мозги чужого человека – с корыстным интересом. Да еще якобы с его согласия. Раздвинули полушария и на раз-два вдули невесть что. Как вдувают пьяной девке, пообещав покатать на «мерседесе»... А он стоит сейчас просто как последний терпила.

– Я думал, что это врачебный эксперимент, а не ментальное изнасилование под наркозом, после чего насильники еще утверждают, что ты им чего-то должен.

– Вы плохо прочитали статьи договора, так что если даже дело дойдет до суда, то вряд ли у вас получится страшная месть; потому хватит желваки катать. Как, кстати, ваше текущее судебное дело?

Он снова подумал, стоит ли продолжать этот разговор, ведь он должен обидеться. Но как ни искал, так и не нашел в себе обиды на Веру.

– Дело закрыто. Судья, черная седая женщина, оказалась благосклонна ко мне. Бедный бледный неудачливый мальчик сорока лет откуда-то из восточной Европы, не склонный к сексуальному насилию. Пять тысяч долларов штрафа – и свободен, на выход.

– Легко отделались.

– Легко сказать. Я – пуст. В случае неуплаты угрожает реальный срок со всеми прилагающимися прелестями: активные педерасты, несвежий воздух...

– Вам представится возможность заработать, воздух останется свежим, а активные педерасты будут только петь для вас, танцевать и вести ток-шоу.

– Понял, вы мне станете платить, чтобы я заменял вам мужа.

– Не получится, вам до него ой как далеко.

Лицо ее мигом стало жутковато-красивым, в тот момент, когда фиолетовые сполохи Зоны отразились на нем. Лауницу даже показалось, что этот псевдометаллический обруч на ее шее зажегся красным, как расплавленный металл.

– Саша, дорогой, мне не нужно, чтобы вы заменяли мне мужа, я хочу, чтобы вы помогли мне найти его... А кроме того, побывав там, вы сможете написать сценарий не про двух ковбоев и бац-бац, а про то, что есть. И честно добиться признания мыслящей публики.

Дамочка оказалась горяча. Анна Каренина, блин. В гробу он видел такую помощь. Он, случалось, раньше помогал дамам, да только не отыскать мужа, а совершить нечто прямо противоположное. Наградой, премией, сценарием решила его завлечь, смешная. Найди, дескать, моего любимого качка, а тот потом спросит, чего это ты, «Саша-дорогой», вертишься около моей бабы? Кулаком размером со спутник саданет промеж глаз, и у незадачливого спасателя – полет в космос. И никакая «мыслящая публика» не поможет, если что, она сразу сдриснет в кусты. К тому же, Вера хоть и мила, но вообще-то красива только в глазах оголодавшего по бабам мужика – так что перетопчется.

– Нет, не надо продолжать, не надо настаивать. Я, пожалуй, не в обиде на вас, потому что понимаю ваше эмоциональное состояние. Сейчас мы спустимся, доберемся до ближайшего кафе, выпьем по чашке капучино – заранее, извиняюсь, кофе в Хармонте варить не умеют, но это все же лучше, чем их чай – и вы пойдете тихо-мирно домой, не строя никаких напрасных надежд на мой счет. Я – работник стола, с ущемленным шейным позвонком, мой труд измеряется в стулочасах и словах, а не в количестве совершенных подвигов и сокрушенных вражеских челюстей. Кроме того, я ж пруссак, не русский. Читал вашу литературу, так что знаю, о чем говорю, внезапные душевные порывы мне чужды.

– Я вас не понимаю, Лауниц. Вы ведь сошли с ума от вашей прежней жизни, вы спились, вы не могли ни с кем общаться, кроме цифровых баб, но это, извините, онанизм в квадрате. За что вы цепляетесь, я не понимаю. Вы были как моль в шкафу, а теперь вы можете начать жить. Доктор Альтравита вам подтвердит, что память моего мужа быстро активизируется, едва вы попадете в окружение или ситуацию, в которые попадал Сергей.

– Тогда я перепрыгну через забор с колючками стилем флоп или переплыву баттерфляем через яму с дерьмом?

– Брассом будет экономичнее. Хотите, я вам докажу. Подойдите к краю.

Зараза. Она с ним играет, как девушка на первом свидании. Те еще, правда, глазками стреляют.

Ну, подошел – здесь не только стеклопакет выпал, но и наружная стена обвалилась. В полуметре от его носков, за бывшим плинтусом – обрыв. Ветерок свежий поддувает. Дальше не хочется.

– Еще вперед. Слабо?

– Не хочу. Я боюсь высоты. Нормальное чувство для городского слизняка.

– А Сергей, мой муж, не боялся. Так что проверьте.

– Проверить? – и неожиданно согласился. – Да пожалуйста. Что мне стоит прогуляться над бездной, если блондинка просит.

Он сделал шаг и еще шажок. Теперь он уже на краю, и копается в своих чувствах. А пожалуй, то, что раньше вызывало страх почти до полубоморока, сейчас виделось задачей, которую можно решить.

Неожиданно она толкнула его сзади. Он едва удержался, махнув руками и изогнувшись назад.

– Черт, вы чуть не убили меня! – заорал он, восстановив равновесие и отскочив от края.

– Чуть не считается, – легкомысленно отразила она. – Но вы справились с ситуацией. Я в этом была уверена.

Лауниц еще раз посмотрел вдаль на Зону; просверки в облачном куполе, закрывающем кластер под названием Кухня, казались даже не ее глазами, а мыслями. Он действительно справился, приняв единственно правильное решение, потому и не валяется внизу грязной тушкой с расколотым черепом. И вообще он больше не боится высоты; если б не было рядом дамы, достал бы своего писюна и помочился вниз.

Он пока не оборачивался, чтобы она не увидела его улыбки – зачем ей давать такой козырь?

– А еще в чем вы уверены, мадам Загряжская? Что я съем ради вас пулю и не поморщусь? Или что перепрыгну через десять положенных друг на друга хармонтских жирдяев?

Молчит.

– Э, Вера, кстати, когда вы выскочили замуж за этого русского сорвиголову?

Опять не ответила. Придется обернуться.

На этаже ее уже не было.

Лауниц снова посмотрел за край. Это ему уже нравилось. Внизу хлопнула дверца и отчалил автомобиль. Надо же, как Вера быстро добралась до своей машины. Альпинистка, что ли? Его-то внизу ждал только велосипед, рама еще ничего, а вот тормоза внушают законное подозрение.

Он еще немного полюбовался на закат над Зоной. На какое-то мгновение ему показалось, что он летит над ней, расправив руки, даже не летит, а растекся, будто туман. У него множество глаз и рук, вернее один огромный глаз и одна огромная рука, способная действовать в любой точке, проникать в любую малость и сокрушать любую величину... Пару минут спустя медитация прервалась по внешним причинам – он уловил шум двух подъезжающих машин. «У нас гости», как говорят в плохом голливудском кино. Это не Вера вернулась, у обеих машин не такое расположение фар, как у Вериного «фольксвагена». Похоже, пора линять со всей доступной скоростью.

Лауниц побежал из бывшего офиса в бывший коридор; в конце его была лестница, не бывшая, а вполне себе ничего. Но «гости» уже поднимались по ней. Коридор длинный, значит, в его конце должна быть еще одна лестница. Не идиоты же строили это здание.

Когда Лауниц достиг конца коридора, на противоположной его стороне появились люди. Шарят фонариками и идут в его направлении. Потом фонарики погасли, значит у них приборы ночного видения, инфракрасные или, скорее, фотоумножители, которые лучше годятся для сумерек. Серьезные люди, по крайней мере, не уличная шпана. А у лестницы отсутствует первый пролет. Вот его обломки с торчащими волосами арматуры видны на площадке нижнего этажа.

Он прицелился и прыгнул – на ровное пространство между копиями арматуры. Присев, амортизировал силу столкновения, неожиданно вспомнил марку этой арматуры «BSt 500 S» – хотя вроде ничего по стройматериалам не читал – и побежал. Не трусцой, как обычно, а хорошо вынося колени вперед и чуть подворачивая внутрь наружный край стопы. На бегу понял, что еще неделю назад ни за что бы не совершил подобное.

А «гости» были и этажом ниже, только еще с другого торца здания. Лауниц рванул по коридору до шахты лифта, отжал створки, чувствуя, как надуваются жилы у него на лбу, перепрыгнул на трос. Начал опускаться, ощущая, как все сильнее врезаются в кожу стальные волокна, однако не давал боли захлестнуть себя. Было тяжело, такого колоссального напряжения мышц он не испытывал никогда. Но одновременно ощущалась и... легкость, уверенность. Как бывало раньше только во сне. Три этажами ниже Лауниц качнулся, принял к стенке, сдвинул рычаг и отжал створки шахты.

Всё, полное истощение – спортсмен должен немного повалиться после финиша. Но не вышло, прямо на него смотрела пара стволов – два типа, которые наставили на него оружие, выглядели в сумерках двумя чемоданами. «Расслабься, дорогой, иначе мы понаделаем в тебе

пробоин больше, чем дырокол в стопке бумаги». Лауниц, изобразив покорность и сдачу в плен, выбрался из шахты, а потом уловил, что в данное мгновение не находится на линии выстрела, ни у кого из этой парочки. Рукой зафиксировал ствол пистолета у одного, ударил по стволу снизу у другого – пуля ушла в потолок. А потом руки Лауница по восьмерке пошли обратно, проделывая нужную работу. Взял на излом кисть одного бандита. Второго выключил тычком локтя в лицо. И довел до конца работу с первым – тоже отправил в нокаут, когда перехватил пистолет, шмякнув рукояткой по затылку.

Оглядев стонущие тела, совершил рывок по коридору. Но в конце его стояло еще двое.

– Отойти от выхода, иначе буду стрелять, – предупредил Лауниц и дернул затвор.

Эти двое не торопились.

– Дорогой, зачем стрелять?

Какая-то секунда прошла, Лауниц понял, что позади него возникла какая-то масса, но он не успевает обернуться. Получил сокрушительный удар по темени. Пол полетел навстречу. Лауниц не потерял сознание, даже сообразил, что огреб от кого-то из тех, кого оставил позади. Носоглотка наполнилась кровью, в вывернутой руке уже не было пистолета, что-то похожее на бревно придавило его, выклинивая грудные позвонки – как позднее выяснилось, это было массивное колено врага.

– Поставьте-ка его на ноги. И пыль отряхните.

Лауниц отозвался на источник голоса и при том поразился своей смелости.

– В глаза-то не светите, идиоты.

Когда свет фонариков чуть свернул в сторону, он разглядел стоящего перед ним невысокого бочковатого мужичка с расплывшимся к губе носом и широкой хищной челюстью, судя по внешности – потомственный живодер. Его грубую, набрякшую книзу физиономию оттеняли кудрявые и будто посыпанные золотой пудрой волосы. По бокам у «златовласого» пристроились еще двое, длинные телом, щетинистые морды кирпичом, лоб прижат к косматым бровям. Чтoб доказать, что они не шестерки, одеты в дорогие кожаные плащи. Сзади переминался один – он еще носом злобно шмыгал и кряхтел, ощупывая шишку; точно тот, что у лифта схлопотал.

– Если уж пообещал стрелять, то надо было исполнять, – хмыкнул бочонок на ножках, – а так, получается, обманул.

– Учту, в следующий раз именно так и поступлю, не разочарую. Чего надо-то?

– Повежливее ты. Мы тебе, Лауниц, пока ничего плохого сделали. Но можем сделать. Господина Пачоли помнишь или надо память освежить?

– Помню. Да вы намердны и освежили, когда позвонили.

– Уже лучше, Лауниц. И про долг вспомни. Больше разговоров на эту тему не будет. Сегодня – последний. Ты на счетчике, два процента в день. На данный момент твой должок составляет пятьдесят тысяч баксов. И не пробуй еще раз слинять.

– Но мне нечего отдавать. Фильм, на который я брал деньги, провалился. Мог бы я переговорить с господином Пачоли?

Бочонок на мгновение изобразил сочувствие своим выразительным южным взором.

– Его здесь нет и говорить он с тобой не собирается. Хаким – человек занятой. Так что придется напрячься, оно того стоит. Как надумаешь, позвонишь по тому телефонному номеру, с которого тебя извещали, и скажешь «готово». Тебе сообщат, куда и когда подъехать. С деньгами. Если станешь канителить, мы тебя сами найдем и ты очень пожалеешь об этом.

Приземистый смахнул известку с лацкана пиджака Лауница и махнул головой своим. Через пару минут с улицы послышался шум мощных моторов.

Итак, к пяти тысячам, которые он должен выплатить по суду, добавилось еще минимум пятьдесят «тонн» баксов, которые он должен отдать албанским бандитам. Судя по слухам, эти ребята не просто кончают провинившегося, но еще и хорошо зарабатывают на продаже его

органов. Традиционный, так сказать, бизнес, со времен натовского «освобождения» Косово, за что их еще называют потрошковой мафией.

Постойте, а откуда они знали, что он здесь? Неужели Вера намекнула ему таким образом, что деваться некуда? С другой стороны, русские всегда с албанцами на ножах. Тогда, значит, просто совпадение, для кого-то очень удачное.

Счет за лечение

– Загружен драйвер нейроконнектора, активизирован пул соединений, мост объектного преобразования функционирует нормально, получены ответы от неокортекса и таламуса, ответы дешифрованы, соединения стабильны... Мемограмма памяти, фрагмент X20, загружена. Насыщение по времени удовлетворительно. Информационные объекты активизированы. Объектный брокер не выдал ошибки преобразования – интероперабельность по всему пространству состояний установлена. Отрицательной нейронной реакции нет... Вы слышите меня, Лауниц?..

– Как же, не услышишь вас. Вы словно посреди башки моей орете в рупор. Потери сознания не было.

Потери сознания не было, но перед этим он видел себя в Зоне, в районе завода, шагающим по краю здоровенной ямы, куда сваливали когда-то шлаки, которые собирались перерабатывать в строительные материалы. Завод перестал работать пятьдесят лет назад, если не больше, однако шлак дымится. Он пытается уйти, но соскальзывает в дымящуюся яму. Карабкается, цепляется, но не может удержаться, падает.

Мир ненадолго стал плоским и слегка выгнулся, предметы с протяжным шорохом скрипились и даже оторвались от своих мест.

Его словно втягивает в поток, зеленоватый, светящийся, и он находит себя на другой стороне ямы. Но когда смотрит вниз, то видит на дне ямы тело с горящей плотью – свое тело...

Мир снова становится плоским, натянутым. Когда напряжение исчезает, проступают очертания операционной и он находит себя на законном месте.

– Я представляю корпорацию, которая организовала эту благотворительную акцию. «Монлабс» профинансировала пересадку вам психомемограммы Сергея Загряжского.

Это сказал человек, который рассматривал ту самую «грамму» памяти на объемном экране, которую видно и Лауницу. И она действительно напоминала программу, написанную на каком-нибудь объектно-ориентированном языке. Человек обернулся. Рожа у него оказалась протокольная. Тонкие губы жадины. Он облизнул их и еще больше усилил впечатление. Одежда солидного менеджера, ткань костюма с легким цветовым переливом. Подошел к еще светящейся панели, на которую были прилеплены трехмерные снимки мозга с томографа. Лауниц догадался, чей это мозг.

– Еще бы заранее знать, куда заведет меня эта «благотворительность». А доктор Альтравита куда вышел?

Человек ответил не сразу, как будто придумывал, что сказать.

– Мы поговорим, и затем он вернется.

– Ясно, у вас прямая связь с туалетом. Теперь вы скажете, что «благотворительность» должна носить взаимный характер», подразумевая, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И что теперь от меня требуется? Сжечь деревню в Центральной Африке, чтобы ничего не мешало расти генномодифицированному горошку со стероидами?

– Вам совсем необязательно сжигать деревню. И нам тоже. Вы словно задержались в 20 веке. Мы накормим стероидами местных жителей, и они отправятся работать бодибилдерами в стрип-клуб для геев, радостно предоставив нам свои поля для производства горошка. А вам стоит подумать о небольшой работе в Зоне.

– В противном случае меня немножко расчленят, чтобы возместить мой должок компании. Мой мозг наверняка уже понравился одному пустоголовому шейху из Дубая. Другому дяде надо подарить правую почку, а тете-транссексуалу левое яичко.

– Я повторяю, ничего принудительного, все по зову сердца.

Настоящий комик никогда не смеется, подумал Лауниц. Надо ж такое сказать и даже не ухмыльнуться.

– Узнаю этот чисто корпоративный принцип. Мы тебя не заставляем, у тебя богатый выбор, однако деваться тебе некуда. И мне, надо полагать, действительно некуда деваться. Кто-то об этом хорошо побеспокоился. Полагаю, что ваши друзья.

Представитель корпорации махнул головой, словно отгоняя мушку.

– Мы предлагаем вам заработать неплохие деньги. С вами заключат контракт на «изучение Зоны».

Черт, еще и этот марамои стал активно соблазнять его прогулкой в Зону. Да что они все сговорились?

– Хотя тема про «замечательный фильм» отпала. Если вы представляете корпорацию, которая засеяла гэмэошным калом все поля к югу от Хармонта, то наверняка деньги умеее считать, и неплохие, и плохие.

– В этом можете не сомневаться, – откликнулся представитель «Монлабс». Он вежливо давал выговориться.

– И при этом большего «профессионала», чем я, вы не смогли найти на всем белом свете. «Лауниц, скажу вам по секрету, что наша фирма сейчас контролирует и финансирует Институт внеземных культур, однако она нуждается и в неформальных способах изучения Зоны – потому что нацелена на конкретный рыночный результат. Артефакты и аномалии должны приносить прибыль, причем как можно быстрее. Мы приглашаем вас в команду».

– Что это было? – представитель корпорации даже не попытался улыбнуться.

– Я сказал то, что вы мне должны были сказать. Но я не смогу заработать этих самых неплохих денег, да еще принести вам прибыль. Из меня сталкер, как из говна пуля.

– Уже нет. Загрязский был одним из лучших.

– Ага. Нашли аватару на мою голову. Ладно, я так понял, что под дулом пушки меня в Зону не потащат. Так что тороплюсь с вами расстаться. Прощайте. Доктору Альтравите пламенный привет.

– До встречи. Завтра у нас что-то вроде корпоративной вечеринки в «Сольянке». Думаю, увидимся. Кстати, знаете, какая самая страшная тварь в Зоне?

– Знаю, белочка.

– Так, значит, вы в курсе и всего остального. Меня зовут Берковски. Зигмунт Берковски.

Пришлось этому типу еще и руку пожимать; физиономия у него гладкая, нафабренная, прикид офисный, а рука крепенькая и пожатие жир выжимает. Идеальный менеджер получается – умный, хитрый, плотоядный, да еще сильный.

Вечеринка с продолжением

– А, пришли, значит, все-таки заинтересовались, – на этот раз Берковски смотрел отнюдь не «протокольной рожей». Намазанные светящейся краской волосы, распахнутый ворот шелковой рубашки, открывающий голографическую татуировку на крепкой загорелой шее – дракон реет над призывно лежащей дамой. Несколько светящихся точек на коже – это и есть тату-проектор. Линзоэкраны на его глазах то становились зеркальными, то в них можно было разглядеть какую-то мелочь: интероперабельность циферки, фигурки, которые сам Берковски видел в натуральную величину. Какого цвета у него радужки, так и осталось неясным. А еще красный тонкогубый рот скалится и зубы – явно новые, выращенные из плюрипотентных кле-

ток и укрепленные титановыми стерженьками – сияют. Не офисный слизень, а мачо и, может, даже глава банды.

У шеста извивалась, и даже взмывала по нему, словно теряя бозоны Хиггса, девушка с весьма округлыми формами, как будто четвертый размер, но «стоячий». Еще две обнаженные особы крутились в сферах, подвешенных к потолку на сверхпрочных, но невидимых глазу углеродных нанотрубках. Эти особы, за неимением шеста, то и дело немисливо изгибались, расплющивая свои немалые, если не сказать огромные округлости, на хрустальной поверхности сфер. Как атакующие твердь соски, так и то, что сильно пониже, посверкивало золотом. Кажется, что они высоко, хотя тут едва ли десять метров до потолка. Черт, чем они там дышат?

– Сферы из прозрачного нанопластика, он – квазиживой, способен потреблять углекислоту и выделять кислород. У девок нет, кстати, никакого силикона, – поймав взгляд Лауница, гордо оповестил Берковски. И его собеседнику сразу стало неудобно, будто он открыл врагу какую-то слабую сторону и тот получил дополнительную власть над ним. – Только стимуляция генов-регуляторов, которые заставляют структурные гены вырабатывать лошадиные доли гормонов, ответственных за торчащие формы.

– То есть отращивать вымя.

– В общем, вы правы. Стоит немало, но благодаря подобной терапии у любого приближающегося мужика все будет стоять пучком. А как еще бедным созданиям заработать на жизнь? Кстати, Дарвин облажался, нет никакой изменчивости видов. В каждом виде все заложено изначально. Только надо уметь это пробудить. То, что было сто миллионов лет назад, никуда не исчезло – оно лишь ждет своего часа.

– К черту Дарвина, да здравствует ортогенез Берга, – поддержал Лауниц.

Еще одна девушка бултыхалась в небольшом аквариуме, причем не поднимаясь на поверхность, но сияя улыбочкой.

– Это не жабы, – прокомментировал Берковски, – к сожалению, пробуждение «рыбных» генов обычно заканчивались превращением испытуемого в дохлого тритона. Это – ионообменный пакет, заполняющий легкие. Но он не имплантирован, а выращен в самой девушке с помощью направленных мутаций в клетках ее слизистой. Так просто выйти на воздух она не может. А, скорее всего, никогда уже не выйдет. Ей и так хорошо, вместе с другими такими же русалками она плавает в бассейне у известного ихтиолога и одновременно держателя подводного борделя Пак Ги Муна.

Из угла аквариума к девушке подплыло что-то вроде осьминога, обклеило ее щупальцами и стало совершать фрикционные движения в области ее гениталий.

– Извиняюсь, это для любителей хентай, сплошные тентакли, – пояснил Берковски, одной рукой направляя в рот коктейль, состоящий из разноцветных шариков, другой поглаживая бюст прижавшейся к нему чернокожей красотки. – У осьминожки рекомбинантный ДНК, имеются генные кластеры, отвечающие за интерес к человеческим самкам.

– Чудеса от «Монсанто»?

– Что-то вроде этого. От сестры «Монсанто», называемой «Монлабс». Ладно, присядем... А ты, милая, возвращайся минут через двадцать. – Берковски, шлепком по задку отправив прочь красотку эбенового цвета, устроился вместе со Лауницем за столиком, у которого вроде и ножек не было; парил в электромагнитном поле, мерзавец сверхпроводящий. – Я, кстати, захватил с собой контракт.

Берковски провел рукой над столом, включив голопроектор, и к Лауницу один за другим стали подплывать листы контракта.

«Двести тысяч зелеными, мать моя! – выхватил взгляд Лауница. – То есть десять штук желтыми чипкойнами!» – у него застучала кровь в висках. От этого стука все пространство под черепной крышкой заволокло мутью и стало чертовски трудно формулировать даже самые простые мысли.

– Поскольку я не сталкер ни на полкомариных процента, вижу в этом ловушку.

– Напрасно, дружище. Извините, Лауниц, но мы наблюдаем за вами последние несколько недель, даже когда вы не подозреваете об этом. У нас масса скрытых и дисперсных средств наблюдения, тем более что и город находится под почти полным видеоконтролем уже лет двадцать.

– Конечно-конечно, это ж Новый свет. Выше крыши разговоров о свободе и плотный присмотр за тем, чтобы эта свобода не завернула куда-нибудь.

– Ага, можете это назвать свободой для тупых, – согласился Берковски. – Но наши деньги вы можете потратить в любой части света. Итак, ваши рефлексy изменились, вы стали другим человеком.

Через мгновение Лауниц осознал, что сжимает за запястье руку Берковски, сжимающую нож для колки льда. И рука эта застыла неподалеку от его носа.

– Убедились на собственном примере? А какова реакция! Я обалдел, – собеседник наигранно хохотнул. – Если бы не она, я б сейчас изуродовал вам лицо, нос точно бы отчищал. Без дураков, честное слово, я себя не сдерживал.

– Если еще раз такое повторится, я себя тоже не сдержу.

– О, получил строгача от пруссака, – на этот улыбка Берковски оказалась совсем холодной.

– Что вам конкретно от меня надо? В контракте стоит абстрактное «изучение Зоны» – формулировка, подходящая скорее для отмывания денег...

– Хорошо, будем откровенны. Нам нужна «закрывающая технология», способная управлять... – Берковски прищурился: – Так скажем, временем. Или, точнее, его распределением.

– Временем? Именно во время ее поисков и пропал сверхопытный Загрязский?

– Да. А что вас смущает? Деньги за так никто не платит. Вон бангладешцы вкалывают у нас на полях по шестнадцать часов в сутки только за то, чтоб не утонуть в своей затопленной муссонами и дерьмом республике... Да, Загрязский пропал. Но на всякого мудреца довольно простоты. Серж был не слишком эмоционально уравновешен и мог совершить какую-нибудь детскую ошибку. Дать, например, белочке орешек или морковку зайчику.

Лауницу показалось, что глаза Берковски прикрылись от удовольствия, может и в самом деле показалось, но губы тот действительно облизал.

– Речь идет об артефакте или аномалии?

– Современный уровень знаний о Зонах Посещения отменяет прежнее деление на «аномалии» и «артефакты». То деление базировалось лишь на внешних признаках. Твердое тело считалось артефактом, а дисперсное или полевое – аномалией. Современное зоноведение рассматривает артефакты и аномалии как разные состояния и проявления одного и того же объекта. Так, например, аномалии «ведьмин студень», «зеленка», «ржавое мочало», «жгучий пух» и «серебристая паутина» – это очевидно нанороботы, наноассемблеры и прочие наноустройства, связываемые вандерваальсовыми силами в разные дисперсные структуры. Артефакт «пустышка» является для наноустройств своего рода доковой станцией и сервером. А «живые покойники» – это предположительно результаты разворотов хронального потока, в результате чего «вытаскиваются» явления из неэйнштейновского событийного пространства, из дополнительных измерений времени, возможно, из прошлого. Наши эксперты считают, что управление хрональными процессами производится с помощью объекта, который именовался старыми сталкерами еще в романтические времена «смерть-лампой». Я намеренно избегаю в беседе с вами научного языка, он вас только запутает...

– Как-как называют эту штуку сталкеры?

– «Смерть-лампа». Когда-то ей приписывали ужасающее смертоносное воздействие, но это, очевидно, байки.

– Смерть-лампа, бой-баба. Кто ж их боится? Только трусы, и я в том числе. Даже после всех соударений у меня в голове все же осталось больше пяти грамм мозгов. Хорошо, я стал ловчее, быстрее, сноровистей. Но и после пересадки чужой памяти я ведь не приобрел всех необходимых сведений о Зоне, мои знания нисколько не расширились. И если Загряжский пропал во время поисков «смерть-ламп», то «отпечаток» его памяти был изготовлен до того. И, значит, никак не может мне помочь. Почему вам не взять настоящего сталкера, вы же всех внесли в свои базы данных, за всеми следите вплоть до кабинки с очком? А меня еще немного потренировать, что ли.

Лауниц стал демонстративно смотреть на даму у шеста – похоже, у нее на месте позвоночника стальная пружина. Силопроводы в мышцах точно имеются. Вот она, закрепившись на шесте стиснутыми ляжками, откинулась назад и в диком изгибе заглядывает сама себе в сочную попу. Публика кричит: «Лизни, лизни». Лауниц на секунду представил, как она так изгибается в постели, сидя на нем... Но Берковски не унимался, казалось, что зудит он, чуть ли не поднеся губы к уху собеседника, хотя находился на той стороне стола.

– Сказать по правде? Их нет. Загряжский был последним из настоящих сталкеров. Остальные – это наемники или коммивояжеры. Выбить контракт, навешать на себя до хера оборудования, загрузить максимум информации от внешних систем наблюдения, добежать до объекта, схватить что-нибудь, и мигом назад. Никто из них не любит Зону. А Загряжский любил... может, любит до сих пор.

– Это вы сами виноваты, что нет. За что боролись, на то и напоролись.

Лауниц почувствовал на своей щеке прикосновение женской руки, а потом под его рукой оказалось тугое гладкое бедро, а чуть ли не перед носом пятый «стоячий» размер. И расслабляющий аромат афродизиаков, разжижающий в голове и воспламеняющий пониже пупа.

Та, что была на шесте, уже снялась с него и подпирала горячим боком Лауница, а Берковски понимающе улыбался. Лицо у девушки было не как у бестии и секс-бомбы, а кругленькое, милое, да еще большие, как будто наивные глаза. Впрочем, в левом видны были проблески изображений, которые проецировал на сетчатку экран, закрепленный на ее брови. Видно, девушка получала информацию на клиентов, какие позы любят, сколько денег имеют, не пытаются ли скрыться, не заплатив.

– Поговорим? – сказала она. – Я тоже из Восточной Европы, из Щецина. Мне тут так одиноко.

Она трогательно потупила глазки и томно поправила прядку волос, украшенную крошечными звездочками фотонических кристаллов.

– Нет, не поговорим. Извини, красotka. Как-нибудь в другой раз.

Лауниц встал. Прежде чем выйти, он подавил в себе острое желание ухватить Берковски за шкирятник дорогого пиджачка и сунуть гладкой налитой мордой в тарелку. И дальше порисовать этой булькающей «кисточкой» рисунки в стиле Мондриана на всех глянцевых поверхностях, которых тут хватает.

Раньше у него никогда таких мыслей не возникало. Уконтрапутили всех сталкеров, сделали из них наемных коммивояжеров, а теперь настоящий понадобился.

Когда спускался по лестнице к выходу, с тоской подумал, что если бы не этот черт Берковски с его наглой торжествующей улыбочкой, точно бы задержался в компании милой щечной. Лауниц словно ощутил на ладонях ее выпуклости, от вздутый ее сосков даже стало щекотно ладоням; его передернуло от ненависти к представителю «Монлабс».

Лауниц порывисто прошел мимо секьюрити с отличными маленькими рожками на лбу – очередная генная модификация – и наконец оказался на улице, давно лишившейся уличного освещения. Подсвечивали ее только рекламные люминесцентные пузыри, медленно плывущие в тихом воздухе. «Скажи мне да, – мелькнуло на боку одного из них, – и я заберу тебя в Элизиум. Похоронная компания Ахерон. С улыбкой на ту сторону».

Велосипед обоссан – притом прицельно и обильно, галстуком его, что ли, вытирать?.. А ведь не отвертись, обложили. Скорее всего, албанская мафия, ставящая на счетчик и торгующая органами, и корпорация, печально известная своими аморальными биологическими экспериментами, находятся в партнерских отношениях.

И что? Садиться на велик и дуть на койку, домой?

Или сказать этой «благодетельнице», этой хитрющей Вере, все, что он о ней думает? А хрен, тоже не выйдет. Он ведь не знает ни ее номера телефона, ни адреса. Из особых примет – запомнилась только ее сумочка «Варья Пейн» из инкубаторской крокодиловой кожи. Стой, а он ведь знает, где находится фирменная франшиза – на Ориджин-стрит, не так уж далеко отсюда, если уцепиться за какой-нибудь пиццамобиль. Конечно, он не найдет Веру прямо там, но ведь о ней в бутике могут что-нибудь знать.

Восемь вечера, но магазинчик еще работает, владелица – резкая брюнетка со светящимися неонами ногтями, дорогущее фотоническое покрытие – пыталась дожидаться хоть какого клиента.

– Я бы хотел сделать подарок для одной моей знакомой, но боюсь повторить то, что у нее есть. К вам приходила одна такая дама. Одета, пожалуй, старомодно, хотя сама еще в соку. Светловолосая, локоны, с седой прядкой над ухом, намеренно выглядит старомодной, славянского вида.

– Я, кажется, знаю, о ком вы говорите. Клиентов сейчас не так уж много. Она купила, если не ошибаюсь, сумочку. Винтажную, кстати. Такой имидж возбуждает некоторых партнеров.

– Интересно, а свой адрес эта «возбудительница» вам случаем не оставила?

Хозяйка замялась и даже закашлялась.

– Если вы с ней знакомы, то почему не знаете ее адреса или номера мобильного?

Ясно было, что хозяйка не прочь поделиться информацией, только ее надо материально заинтересовать.

– Встреча с этой дамой была случайной, только успели познакомиться, любовь с первого взгляда, а уже прорвало канализацию и упал метеорит. Так что теперь мне просто необходимо ее найти и явиться с презентом. Вот эту косметичку, крокодил под стать ее сумке, я, кстати, тоже возьму... Так что насчет адреса?

– Мм, некоторые клиенты оставляют нам свои адреса, только электронные, для рассылки сообщений о каких-то новинках. Если точнее, мы сами их находим, по данным, считанным с кредитки...

Через минуту Лауниц вышел на улицу с этим кошельком из псевдокрокодиловой эпидермы, выращенной на контрафактной коллагеновой матрице во Вьетнаме, похудев на сотню баксов.

Хорошо, что планшетник с собой, можно пообщаться через сеть с одним человечком. Фиолетовый Чмо, который когда-то делал ему компьютерные эффекты для «Проходной дьявола», баловался со всякими нелегальными «хуизами» (от легендарной whois); сейчас этот тип оказался на связи и с ходу помог пробить ему физический адресок. Конечно же, попросил перечислить ему немножко бабок на электронный кошелек, вымогатель.

Ага, два квартала отсюда. В итоге имеем длиннющий ряд серых одноэтажных домиков, слипшихся боковыми стенками. Ее подъезд в самом конце.

Асфальт на тротуаре с выбоинами, колесо сломать можно даже на авто, не то что на велике. Половина окон не светится, то ли жилыцы свирепо экономят на энергии, то ли оттуда уже съехали. Девушка явно не шикует, живя здесь, но в то же время деньжата у нее водятся. Свои ли?

Квадрат ее окна черен – выключен свет, так же как у двух ближайших соседей. А вдруг и она уже свинтила отсюда?

Лауниц подошел к двери. Вообще табличка с ее фамилией на двери еще присутствует и в почтовом ящике что-то лежит – хотя это мало о чем говорит. Бывает, что обслуживающие компании шлют счета за воду и электричество и спустя пять лет после смерти клиента – так сказать, на тот свет.

Он хотел было уже развернуться, но тут... даже не услышал, почувствовал какую-то вибрацию, прошедшую по двери. Как будто внутри что-то упало плашмя. Лауниц втянул для решимости воздух, толкнул дверь и оказался в задымленной прихожей.

И сразу нырнул под идущую на него руку – кто-то массивный атаковал его. Ответил ударом локтя атакующему – между ребер. И еще раз, разворачивая руку, тылом кулака – в наклонившуюся голову противника. Костяшки пальцев загудели от столкновения с крепким черепом, но в другую руку плавно перешла бейсбольная бита. Лауниц подставил ее под что-то падающее ему на голову и, провернув биту по часовой, ударил следующему противнику в левую часть головы. И сразу ткнул тонким концом биты еще одному между глаз. Вывел биту по восьмерке вниз и завершил движение, влепив ее третьему противнику в промежность. На него вынесло следующее агрессивное тело. Вжавшись в стену, Лауниц пропустил противника мимо себя, но сумел перехватить его за запястье, которое и рванул по круговой, выводя захваченную кисть вверх. Тело с наскока перевернулось вокруг собственной руки и тяжело шлепнулось на спину. Лауниц наклонился и зафиксировал поверженного в лежачем положении – ударом ребра ладони по горлу. Потом сделал шаг вперед и стал вглядываться в сумерки комнаты. Но вовремя оглянулся. Трое типов, оставшихся позади в прихожей, поднимались с утробным урчанием, кряхтением и сипением, свидетельствующим о сильных болевых ощущениях.

Им еще раз не повезло – в прихожей было слишком тесно. Лауниц подпрыгнул, ухватился за антресоли и, резко качнувшись вперед, одним ударом ног вымел всех из коридора – прямо на улицу. А когда хотел обернуться к комнате, понял, что не успеет. Резко наклонившись, дернул кого-то за щиколотку. Затем, уже обернувшись, помог нападающему упасть – ударив основанием ладони снизу в челюсть, услышал зубовой хруст. Этого типа, оглушенного, с текущей кровавой слюной, также выбросил на улицу. Его товарищи уже брели к машине, причем один висел на другом. О немедленном реванше они, скорее всего, не помышляли, ведь обычно их уделом были не битвы, а беспрепятственное насилие.

Вера нашлась за диваном. Прижала его руку к своему мокрому лицу, дав почувствовать свою дрожь.

– Добрый вечер, госпожа Загрязская. Позвольте спросить, это кто к вам заходил – электрики или водопроводчики?

Она всхлипнула, голос ее впервые прозвучал слабо и нетвердо.

– Я входила в дом с улицы, а они сразу вломились за мной. Четверо.

– На серьезных людей не похожи. Отморозки какие-то.

Она, резко прекратив всхлипывать, села.

– Это не воры.

– Может, конечно, только попугать хотели. Но, Вера, полицию бы неплохо вызвать.

Она решительно помотала головой. Дрожь явно прошла.

– Не надо. Свалили же они. И полиция не будет искать незнамо кого, скорее, начнут ко мне цепляться. Я даже рожи у этих громил не успела рассмотреть.

– Я тоже. А несколько бранных слов, которые я от них услышал, показались мне похожими на смесь польского и русского. «Дупа» – что бы это значило? Дайте веник, я подмету.

Она неожиданно засмеялась.

– Дупа – это задница, у галичан. И вы тут уже подмели. Вообще у меня робуборщик, он умный, старый и я зову его дедушкой...

Она встала, отбросив его протянутую на помощь руку, показывая, что у нее все в полном порядке.

– Так, теперь давайте разбираться с вами. Как вы здесь оказались, господин Лауниц? И не надо выдумывать, что случайно мимо проходили.

Похоже, дамочка быстро вернулась на свою стезю. Отряхнула юбку, подтянула колготки, задрала нос и вперед.

– Не случайно и не мимо. Я вас искал. Как – объяснять не буду.

– А зачем – это вы объяснять будете?

– Хорошо. Я считаю, что вы меня втравили в темную историю. Сейчас еще этот Берковски нарисовался в полном объеме и мне, выходит, не отвертеться. Он тоже возник в той самой практике доктора Альтравиты, которого вы о чем-то таком попросили. Позвольте спросить, на кого вы работаете?

– Я работаю на себя; теперь хотите узнать, откуда деньги беру? Распродаю кое-что из того, что муж оставил. И я уже говорила, что вы идеальное вместилище для памяти моего мужа. Если Берковски имеет какие-то дела с Альтравитой, то это меня совершенно не касается.

– Еще раз решительно заявляю, что не желаю быть вместилищем для памяти чьего-либо мужа, – с безнадежностью в голосе сказал Лауниц. – Итак, что мне теперь делать? Я реально на краю пропасти. С одной стороны на меня охотятся албанцы, с другой – «Монлабс», и все вы хором запикиваете меня в Зону. А я ведь точно не сталкер.

– После того, что вы тут вытворяли сегодня, я бы такого не сказала...

– Может, стереть загруженную мне мемограмму Загряжского?

– Нет, Альтравита сказал, что это невозможно. Можно только двигаться вперед.

– Неравновесная термодинамика, будь она проклята. За всю мою жизнь никто не распоряжался мной так нагло и бессовестно!

Она неожиданно провела рукой по его плечу.

– Ага, кажется, я поняла: вы пришли мстить. С чего начнете? Сервиз будете бить?

И все-таки вид у нее не такой высокомерный, как раньше. После того как он спас ее задок от неприятностей, она немного сменила амплуа – голос сейчас не то чтобы жалобный, но немного плаксивый, и губы чуток подрагивают. Типа что с меня возьмешь, со слабой, ищущей тихого счастья женщины?

Он подумал, что талдычить одно и то же бессмысленно, он оказался в роли спасителя несчастной овечки и уже не хочет отказываться от нее, значит надо сменить пластинку.

– Начну с... У вас выпить найдется?

– Водка или мартини?

– Водка и сока, лучше грейпфрутового – разбавить наполовину.

– Так и есть, ученые говорят, что восточные немцы – наполовину славяне.

– Хорошо, без сока. Хотя для желудка это вредно, – сказал и подумал, что такая фраза в немецком стиле выглядит для нее смешной. Он почему-то не хотел терять набранные очки.

– О, уже и на желудок нам сейчас наплевать?

– Но от закуски не откажусь.

– Тренд уловила. Килька в томате, соленые огурцы. Все есть. Специально ездила за ними в русский магазин за двести миль.

– Давайте, если разбойники их еще не унесли, соленые огурцы.

Пока она ходила на кухню, Лауниц прошелся по гостиной. Здоровенный шкаф из цельного дерева с настоящими бумажными книгами – это типично для русских; твердые переплеты с тиснением – такие триста лет простоять могут, а флэшки уже через десять лет мусором становятся. Насколько он разбирает кириллические буквы, собрания сочинений: какой-то Лесков, Достоевский, куда ж без него, история русской литературы в девяти томах. Деревянная флейта на комод, ноты. Тоже, наверное, типично. Обои в цветочек. Лампа с малахитовым основанием и зеленым матерчатым абажуром. Все это так немодно. Исключение составляет только мини-лес в большом горшке: мини-сосна, мини-елка, мини-березка; геном модифици-

рованный, гены роста подавлены энзимами. На комодe фотография какого-то парня лет двадцати двух. Черный берет, погоны офицерские, кажется лейтенант.

– Это Сергей, старая фотка, – слышался из-за спины голос Веры. – Сфотографировался, когда после питерского общевоинского училища служил под Калининградом, то, что вы Кенигсбергом называете, в 336-ой бригаде морской пехоты.

– А когда он ушел? В смысле, из армии.

– Ушел, в смысле со флота, нескоро, еще десять лет прослужил, самые тяжелые. Перетерпел то время, когда реформаторы деньги для вояк зажимали согласно заветам Милтона Фридмана – если без боевых, то, в основном, той самой килькой в томате и питался. Потом горячая точка на Кавказе. Морская пехота, а в горах воевал. Потом еще спецназ ВМФ, так называемый «морской разведывательный пункт». Где-то у них случилось столкновение с натовскими боевыми пловцами, которые на нашу базу проникнуть хотели. Наши порубили тех гостей непрошенных. Натовское командование нажаловалось, и тогдашний министр обороны, очередной реформатор, последний по счастью, в порыве крепкой дружбы с потенциальным противником всю их группу реформировал, в смысле расформировал за невежливость. Сергей жалел, что он тогда обиделся и ушел. Потом там все наладилось, но жизнь как фарш обратно не провернешь.

– Вы-то давно с ним?

– Да нет, не очень, здесь познакомились. Два года назад поженились, собирались уже ребенка заводить. Забавно, в детстве жили в одном городе, в Питере, даже в одном районе, на Васильевском острове, он на 8-й, а я на 22-й линии. А встретились только в Хармонте.

Она сделала шаг навстречу и положила свои легкие руки на грудь Лауницу.

– Мне показалось, Вера, что вы любите его.

– Люблю и очень хочу вернуть его обратно.

Ее глаза оказались около его глаз и как-то потянули в себя; он почувствовал ее дыхание, ласковое, сладко щекочущее, на своей коже, ниже шеи, где расстегнул пуговицу рубашки, пытаюсь охладиться после драки.

– Давайте, Вера, я не по Достоевскому, а прямо сформулирую. Вы так любите его, что готовы даже переспать со мной. Это – самоотверженно, поскольку я далек от Аполлона. Но, – Лауниц на несколько секунд задумался («что ты делаешь, зачем тебе этот геморрой?»), – я и так иду в Зону. Решение окончательное, принято недавно, но обжалованию не подлежит. И все сделаю, чтобы найти вашего мужа. А теперь давайте выпьем.

– Ах, апельсинки не хватает, – она, отойдя, опустилась на высокий стул, вроде тех, что в барах. – А я так села удобно.

– Ладно, я схожу на кухню, на правах мужезаменителя.

Когда он вернулся с кухни с тем, что требовалось, она сказала:

– А ведь сами нашли. Даже не спросили, где лежит, – и заиграла пальцами на своей щеке.

– Вера, я действовал по интуиции. Не надо скоропалительных выводов.

– Не оправдывайтесь. По интуиции действовать тут бесполезно. Там миллион ящичков. Вы вспомнили, – она погрозила пальцем. – Да не отнекивайтесь же вы.

В этот момент Лауниц уже «опрокинул» во второй раз. А на третий раз даже не почувствовал вкуса водки. Никогда он так не напивался, легко и непринужденно, мягкая, но сильная эта «Белуга». Он вдруг избавился от напряжения, словно бывал в этой комнате уже тысячу раз. Может, и в самом деле русский соленый огурец делал чудеса.

А после дватой рюмки с кухни донесся звук бьющегося стекла. И раздалось неприятное шипение. Когда он вбежал туда, там всю горел и дымил фэйер. Неслабо обжегшись, Лауниц схватил его, кинул в раковину и залил водой. Вслед за фэйером влетел приличный обломок кирпича с наклеенным стикером, на котором значилось: «Ты нас разозлила, сучка кагэбэшная».

– И вы, паршивцы, меня тоже разозлили, – распахнув окно, он выпрыгнул на улицу, но успел только засандалить обломок кирпича в капот отъезжающей машины. Оттуда донесся злобный вопль на галичанском диалекте общеевропейского языка, однако никаких ответных действий не последовало.

Когда Лауниц вернулся в дом, Вера сидела все на том же высоком стуле, только обхватив голову руками и слегка раскачиваясь.

– Боже, они никогда не оставят меня в покое.

– Тогда придется успокоить их. У господина Загряжского... у Сергея были недоброжелатели? Быть может, в сталкерской среде?

– Какие они сталкеры? Банды и кланы на поводке у «Монсанто». Корпорация разжигает ненависть между ними. Это называется конкуренция. Тогда хабар будет наиболее дешевым. И неважно, сколько крови и дерьма будет на нем... В этой среде нет доброжелателей. Изобразить друга, а в удобный момент загнать пулю в затылок и забрать хабар – это всегда пожалуйста.

– Сергей выступал за мир и дружбу?

– Нет, конечно. За то, чтоб какие-то правила были, чтобы без предательства, без подставы. Многие посчитали, что он нарывается. Стецко, например. У него рыльце особенно в пуху. Он с угрозами хабар перекупал в интересах одной фирмы. А тем сталкерам, которые его на хрен посылали, не иначе как он маячки ставил – и потом те быстро все погибли, от разных «случайностей». Сергей, помнится, этому типу крепко накомистлял, чтоб больше не гадил товарищам.

– Сомнительно, чтобы после этого на него не затаили злобы.

– И даже таить-то не стали. Его сразу обвинили в том, что он – «царь», «самодержец». Еще бы, мешал свободно предавать и продаваться. Стецко, конечно, в первую очередь поучаствовал – мол, москаль всех в ужасное рабство взять хочет. У него ж герои – Мазепа, Петлюра и Бандера. Но особенно Школяр, то есть Марек Возняк, старался. Это потому, что он давно с «Монсанто» связан, еще с Гданьска, его даже в Россию посылали. В район русской Зоны, то ли шпионить, то ли агитировать за самостийность под крылышком той самой корпорации, и кто-то из русаков ему там яичко отбил и зубы высадил.

– Вера, я не хочу бросить какую-то тень, но ведь за «смерть-лампой» Сергей, в общем, по заданию «Монлабс» ходил?

Заметно было, что всякие вопросы, бросающие тень на Загряжского, ей неприятны. Она даже как-то подалась вперед, словно птица, защищающая свое гнездо.

– А куда было деваться, он же не был романтичным юнцом, который просто выступает за все хорошее; вынужден был приноравливаться, но гнул свою линию. «Монлабс» распространила о нем в сталкерской сети слух, что он агент службы внешней разведки России, типа жуткий кагэбист, хочет у всех них отобрать гешефт любой степени мелкости, трахнуть их жен, отнять детей, и прочее фуфлю. А он искал способ, как помешать ей скупить всех чохом. Вышел на контакт с другими потребителями, правда, не очень удачно; это были сотрудники компании «Хьюндай», которую Дюмон уже нагнул к вассальному соглашению. Первый блин комом, но Сергей не собирался останавливаться. Легко им теперь отыгрываться на мне, когда он пропал.

Лауниц поймал себя на том, что любит на тонкие белые пальцы Веры, меж которыми струятся пряди светлых с каким-то медовым оттенком волос. Как хрупки костяшки ее сжатых пальцев, словно фарфоровые. Не удержался, провел по ним ладонью. И тут она, не меняя позы, обхватила его, уткнулась ему лицом в грудь.

– Побудь хоть немного Сергеем, он был... он – честный, он – справедливый, быть им совсем не зазорно.

Так и прижавшись к его груди, она рассказывала о том, как они незадолго до последнего похода Сергея в Зону вдвоем в Питер съездили. Стояли около Петропавловской крепости, там около стены, выходящей на Неву, пляжик есть небольшой, но еще апрель, льдины идут. А

закат такой красивый, теплый такой. И вот он раздевается, идет в воду. И плывет, раздвигая льдины. Она ему потом, конечно, сказала: зачем, мол, позерствуешь? А он ответил: хочется, чтоб все вместе сложилось – в жизни ведь никогда не бывает, чтоб и красивый закат, и любовь, и ласковая вода. Так вот, соединю, мол, все хотя б в воображении. И на самом деле он без позерства жил. Мог, защищая какого-нибудь доходягу, на нож двинуться, мог, проходя мимо мерзнувшего бомжа, надеть ему на голову свою меховую шапку. А вот ему никто не пришел на помощь.

Лауниц попробовал слегка отстранить ее.

– Я не могу быть Сергеем. Но я не брошу вас в беде, Вера, обещаю.

Она поймала его руку, подула на ожог.

– Стоять, буду лечить.

– А чем это?

– Не бойся, Саша, сибирское народное средство, струя кабарги плюс сопля медведя.

Она уже не отпустила его руку... Сперва вела ее по своей щеке, шее, груди, а потом уже он сам... Впрочем, ему показалось, что она делает *это, как будто вспоминая о ком-то другом*.

А ведь все-таки она изменила Сергею, хотя от нее этого вовсе не требовалось ради его спасения. При этом она любит... любила его. Может быть, она все же не считает его живым?

Когда Лауниц засыпал, то понял, что именно люди из «Монлабс» не хотели, чтоб Загрязский вернулся домой. Может быть, сам Берковски. И от этого намечающееся предприятие становится еще более опасным. Но он слышал, как легко дышит Вера, уткнувшаяся милым беззащитным лицом в его плечо, и понимал, что уже не сможет предать ее.

Около шести мобильник ожил и пустил в ухо звон колокольчика, а в глаз трехмерную девушку, делающую физкультурные движения.

Лауниц едва успел заткнуть будильную функцию, осторожно поднялся и, подхватив одежду со стула, пошел на цыпочках в прихожую.

– Ты куда? – окликнула Вера, когда Лауниц был уже около выходной двери.

– Мне – пора, а вам рано. Антиквары еще отдыхают.

Она легко встала с кровати – как пружинка распрямилась.

– Давай я сама решу, пора мне или рано. Мы сейчас с тобой попьем кофе с тостами и поедем вместе. «Заказчик» знает, что у каждого идущего в Зону должен быть напарник, ведомый, страхующий – по-разному его называют. И каждый сталкер выбирает напарника самостоятельно. Тебе не откажут. Я была с Сергеем два раза в Зоне. Да я вообще ветеран по сравнению с тобой. А еще я десять лет занималась альпинизмом, пять лет дайвингом, два – бейсджампингом.

– Да хоть двадцать, включая прыгинг, скокинг и убегалинг. Я тоже когда-то смастерил рогатку из двух пальцев и женских трусов, попал в цель, цель закричала, но это не значит, что я специалист по артиллерии. Не хочу брать вас в Зону. Это означает подвергать вас страшной опасности. Я и Берковски не доверяю.

– Страшной, а может даже жуткой, опасности я подвергаюсь здесь. Те, кто мстит «царю», первым делом доберутся до меня именно здесь.

– А уехать в более ласковые края?

– На что? Последние пять косарей пошли на уплату твоего штрафа. Вчера заплатила, так что проверь поступление денег на счет суда... Уеду потом, когда ты выплатишь мне десятину от твоего гонорара.

Вход в Аид

Сейчас в помещении, напоминающем ангар для авиатехники, их было шесть: Берковски и пять человек, которые должны были отправиться в Зону. Впрочем, и в самом деле большая

часть помещения была заставлена мощной и высокоинтеллектуальной техникой, которая явно побывала в разных неприятных местах. Человекоподобные, но огромные, что твой циклоп, роботы «Полифемы», у которых в районе «грудной клетки» располагалась кабинка оператора. Приземистые, но тоже здоровенные харвестеры «Гекатонхейры», подобные тем, что применяются для вырубки джунглей, однако с большим количеством манипуляторов. Машины с ножевыми и бойковыми тралами вроде тех, что применяются вояками для избавления местности от мин. Шестиногие транспортеры и разведчики «Мантисы», что могли перемещаться вполне автономно, напоминая при этом чудовищно разожравшегося богомола.

Всех их отметила Зона своей печатью: дыры с прокопченными краями на месте управляющего процессора; сплавленные рычажные конечности; лопнувшие кабели информационных магистралей; торчащая палеными дредами путаница кабелей и проводов; раздавленные сверхгравитацией и сплюснутые до состояния блина отсеки; разлохмаченные сверхбыстрой коррозией бронешиты; протекшая, словно кусок масла, лобовая броня. Особенно поразила Лауница спекшаяся в один прокопченный клубок стайка небольших дронов. Но немного погодя он увидел шестиметрового робозавра модели «IamRobot» с бульдозерными ножами на ногах и грейферами на руках и поразился еще больше. Десятитонная машина превратилась в аккуратный кубик размером тридцать на тридцать на тридцать сантиметров. Искореженная техника наглядно показывала и доказывала, что пока что в Зону лучше отправлять людей; во всяком случае, они стоят не так дорого – искателей счастья из восточной Европы всегда хватает – и еще умеют как-то выбираться из безвыходных ситуаций.

– На фоне столь безутешной картины встает естественный вопрос: почему вы не предупредили меня, что со мной в Зону отправятся такие персонажи, как Возняк и его приятель? – поинтересовался Лауниц у Берковски.

– Но и вы не предупредили, что с вами идет блистательная госпожа Загряжская. Стецко и Возняк – опытные люди, поверьте мне, – отозвался Берковски.

– Я их не знаю и не могу им доверять. Может, они, блин, педофилы. – Лауниц еще раз посмотрел на своих новых товарищей. Первый – здоровяк бычара, второй – худой и быстрый, похожий на бретера из фильма.

– Чья бы корова мычала. Зуб даю, у этого «режиссера» на руках застарелые мозоли от онанизма, – отозвался один из тех типов, Стецко; фигура – шкаф, широкая нижняя челюсть медленно движется, то ли действительно жует что-то, то ли символически показывает, что от жизни он свое урвет.

– А госпоже Загряжской доверять можете? – с напором сказал Берковски и с нарочитой вежливостью поклонился даме, которая как раз собирала свой рюкзак с расчетливой неторопливостью парашютистки. – Вы уверены, что хорошо ее знаете? Да и педофилы, как известно, с принятием седьмой поправки, уважаемые члены нашего свободного общества, покупающие львиную долю никому больше не нужной косметики и графеновых презервативов. Ладно, закончили с дискуссией, если бы вы внимательно прочитали контракт, то были бы в курсе, что заказчик имеет право добавить в группу, кого захочет, хоть Белоснежку с семьей гномами. Но вы, похоже, читаете только свои произведения.

«Вернись – непременно получишь по морде», – неожиданно подумал Лауниц.

– Первую порцию спиди принять сейчас – три таблетки, – распорядился Берковски. – Это спрессованные запасы АТФ, чтобы ваши митохондрии не дремали, а вы сами не клевали длинным носом. Потом не забывайте принимать по одной штучке каждые семь часов. У кого дерьмовая память – поставить оповещение на своем боди-компе. Впрочем, и про память мы не забыли, есть средство – но реальное улучшение только через три дня, для стимуляции гиппокампа требуется время.

Булавка радиоконнектора-трансивера уже вошла в кожу предплечья, оставив на память о проколе капельку крови, снаружи виднелась только его антенная головка. Еще несколько

боди-коннекторов после укола анестетика было имплантировано под кожу – она, особенно если немытая, прекрасный проводник электрических импульсов. Один из них просматривается на виске синей сеточкой – он будет превращать сигналы от транссивера в звук, который легко распространяется в тонких костях черепа и достигает среднего уха. В глаза был закапан коллоидный раствор, который за несколько минут конгломерировался под веками в мономолекулярные контактные экраны, являющиеся далекими потомки 3D-очков. Они сразу дали о себе знать, наложив на окружающее пространство виртуальное окно³. В тестовом режиме оно стало снабжать смайликами все предметы, на которые устремлялся взгляд. Судя по приветственной надписи, это «дополненная реальность (тм) от Монлабс», которая «сделает вашу жизнь более радужной». Виртуальное окно может работать и в режиме «телеприсутствия», когда ты видишь то же, что видит связанный с тобой дрон, точнее его камеры, или хотя бы прицел твоей винтовки.

– А, кстати, почему мне винтовку не выдали? – поинтересовался Лауниц.

– Вам бы как-нибудь без винтовки до места назначения докарабкаться, – помотал головой Берковски, словно пытаясь отвязаться от назойливой мухи. – Считать умеете? Автоматическая винтовка НК213 в снаряженном состоянии более четырех килограммов, минимальный боекомплект – сто патронов 7,62 мм, получается, вместе с подсумками – еще три кило. Сигнальные и дымовые ракеты вам тоже не дали. Так что меньше на десять кило тащить – радуйтесь.

Как бы справа от головы висит лампочка. Эта виртуальная хреновина будет зажигаться, когда детекторы, прикрепленные к куртке на манер газырей, будут засекать «комариную плешь» или любую другую разновидность гравиконцентра, а также гравитационные вихри вроде «мясорубки». Затем «дополненная реальность» оконтурит его, обозначит градиент, укажет напряженность и азимуты. Так что время гаек и других мелких тяжестей, незатейливо метаемых на манер мрачного средневековья в сторону потенциальной опасности, безвозвратно ушло – по крайней мере, если верить Берковски.

В ладонь Лауница легла еще пилюля свинцового оттенка – принимаемый орально акселератор, прилипает к окончаниям нервных волокон и гарантирует ускоренное прохождение сигналов за счет создания новых холинорецепторов.

– Раньше акселератор вставляли в наружный разъем и загружали как психопрограмму, а теперь что-то будет лезть прямо в синаптические щели, секс какой-то, – обронил Возняк, любовно снаряжавший прозрачный магазин винтовки.

Некоторую миловидность облика он старательно компенсировал милитаризмом в киношном стиле – бандана, арафатка, медленный хрипловатый голос, торчащие детали вооружения, нож с зубчиками, рукоятка крупнокалиберного кольта, маскирующая светоискажающая окраска – отчего лицо его при движении становилось нечетко видимым и жутким, как у беса.

– Да будет тебе, Марек. Может, благодаря этой штуке ты самую главную щель унесешь от неприятностей, – откликнулся Стецко. Возняк не отреагировал на тупую шутку напарника, видимо, ценил его не за это.

– Прямо отряд счастливых, прямиком в рай, айн-цвай-драй, особенно хорошо наш пруссак, – одобрил Берковски и поправил лямку рюкзака у Лауница.

Возняк передернул затвор НК G13 и проверил, как согласовывается ее прицельный комплекс с его контактными экранами.

«Хеклер-коховский булл-пап, боеприпас – безгильзовый патрон, компенсатор отдачи, в Зоне стреляют только по людям, по остальным объектам не рекомендуется, – подумал Лауниц. – Кого это Школяр собирается держать на прицеле?» А вообще появилось какое-то отупение, сквозь которое позвякивала одна единственная мысль: зачем он здесь?

³ Виртуальное окно, виртуок – изображение, проецируемое на зрачок глаза дисплеем, имплантированным под веко пользователя или находящимся на поверхности глаза, как линза.

– И запомните, господа, геройствовать в Зоне не надо, даже со страха. – Берковски уселся на стальной стол, где лежали рейдовые рюкзаки и под сумки членов группы. – Это вредно для дела, за которое мы вам платим. Знаем сегодня мы о Зоне достаточно. Средства наблюдения – спутниковые группировки, дроны, локаторы, стационарные и мобильные детекторы – получают информацию о ней в режиме реального времени. Многие ее феномены уже детально изучены и внесены в базы данных. На контактные экраны в режиме «дополненной реальности» будет выводиться карта Зоны и данные об ее объектах, расстояния, азимуты, курсовые показатели, если они движутся, характер их предполагаемого воздействия. Связь с вами редко будет устойчивой, а может, ее вообще не будет, но и информации, имеющейся на ваших боди-компактах, достаточно для того, чтобы не вляпаться по-крупному. Будьте аккуратнее с применением оружия, как бы оно ни внушало вам уверенность – Зона не любит громких «бум» и «бамс». Именно потому мы не снабдили вас боевыми гранатами, взрывчаткой и так далее. Вопросы?

– Шеф, почему на этот раз заходим через рудный склад завода? – спросил Возняк.

– А ты, мальчик мой, не знаешь, что Зона пульсирует? В этой фазе она отдала нам значительную часть рудного склада, сократив расстояние до цели.

– Да он не про это, – включился Стецко. – В свое время по периметру рудного склада люди из «Вау» ставили динамическую колючку и минные заграждения. Мины системы J12 наводятся на источник звука, на тепло, на запах. Как мои руки на большие сиськи.

Берковски помахал ладонями сверху вниз, показывая, что все под контролем.

– Парень, если наложишь кучку в штаны, на твой аромат прискачет J12 даже с китайско-монгольской границы. А вообще спешу успокоить. Там несколько раз прошлись саперные роботы – такие здоровенные крабы в молибденовых штанах – и успешно подорвали их. А саперы из той же «Вау» порезали злючку-колючку, создав коридор, по которому вам и надо двигаться. Так что если не напоретесь на белочку, все будет просто замечательно. Даже не знаю, за что я вам плачу деньги. Сейчас туда могла бы сходить и пятиклассница Дороти. Или, может, мне снять нарукавники, отбросить бумажки и чернильницы, да махнуть с вами?

Выразительное тонкое лицо Возняка отразило сразу две мысли – «тот, кто платит, может нести любую ахинею» и «надеюсь, это долго не продлится». Его напарник ограничился дежурной подобострастной улыбкой.

Ботинки с противоминными протекторами прошаркали по бетонному полу – похоже, Стецко особенно нравился звук. Все пятеро направились к бронированному «Тигру».

Перед тем как залезть в десантное отделение, Возняк пнул широкую шину и пощупал плитки динамической защиты.

– Русские – чудачки по жизни, но военная техника у них часто получается ничего. Жаль, что нам не дадут проехать на ней за колючку.

За руль сел человек с эмблемой «Вау». Машина выскочила из ангара, промчалась по дороге между низкими кирпичными зданиями – когда-то здесь были пакгаузы. Несколько раз попались вывески магазинчиков и лавчонок, все еще распродающих всякое барахло, которое вынесли с завода в ту пору, когда он только закрылся: проволоку в здоровенных мотках, покрытые ржавчиной токарные и фрезерные станки, всякий инструмент и метизы в хорошо промасленной бумаге. За пять минут бронемашина доехала до южного КПП. Здесь – конечная остановка, всем выйти.

Подтянутый рослый наемник с эмблемой «Вау», оттерев в сторону ооновского дежурного по КПП, рыхлого капитана, румына с носом-сливой, просканировал персональные чипы, которые выделялись оранжевой татуировкой между большим и указательным пальцем каждого члена группы.

– Когда будете возвращаться обратно, надо заранее предупредить нас – передать на частоте 1,4 ГГц сигнал «встреча». Выходите на пятьсот метров севернее, потому что на этом КПП с завтрашнего дня будут стоять какие-то сербы. Ваш позывной «Шакал», наш «Орел».

– Ты ничего не перепутал, – усмехнулся Возняк, – может, наоборот, орел клозетный?

– Эй, недоделанный, шутить будешь с девочкой в баре. Всё, открываю вам коридор, шевелите батонами, – рявкнул ваушник и пошутил по-черному: – На всякий случай пять черных мешков я приготовлю, каждого обеспечу.

Поднялся шлагбаум, лишь пару раз скрипнув, легко опустились лепестки активной стены, напоминающие зубы китайского дракона (их и делали специалисты из Гуанчжоу, главного производителя всех мировых заборов), – и группа шагнула в бурую, словно вырезанную из жести траву. Она явно была призвана с ходу показать, что Зона жестко стелет, – и хлопала по штанам, как шпицрутены «доброго короля» Фридриха. Читал Лауниц, что все виды растений, какие имелись в Зоне, по-быстрому мутировали, чтобы «жгучий пух» им не навредил. А то что все – еще раз посрамило эволюционную теорию. Никакого нудного и долгого естественного отбора с отмиранием тех, у кого неверные мутации, и процветанием тех немногих, у кого мутация в жилу оказалась. Все растения – раз, и словно достали из рукава запасной вариант существования; одним легким движением шорты превратились в брюки.

Жестяная трава сменилась жестяными кустами, которые имели неприятную особенность – выпускать ржавого цвета колючку при касании ветви. Но Возняк, который шел впереди, знал, за что их подержать, чтобы они не превращались в живую спираль Бруно – отодвигал ветку, удерживая за безопасное место, которую и передавал следующему по эстафете. Здесь-то Лауница и прошиб первый раз пот, когда между его пальцев прошли шипы длиной по три сантиметра. Как выбрались из кустов, стали видны метрах в ста кучи так и не израсходованного на заводе сырья.

Когда-то это были аккуратные терриконы из гематитового агломерата, а теперь гряда холмов, поросшая клочковатой «зеленью», в которой сейчас с трудом усматривалось искусственное происхождение. Растительность была не законно-зеленого, а красно-бурого цвета, словно маскировалась под цвет горной породы.

Еще несколько шагов – и почва стала проседать, даже пружинить под ногами, иногда прилично толкая ступню на манер trampлина и вызывая законные подозрения в своей надежности, хотя «дополненная реальность» в виртуальном окне чертила стежку-дорожку лишь с небольшими извивами, почти прямо.

– То-то и оно, режиссер. – Возняк, который шел перед Лауницем, обернулся и надул радужный пузырь жвачки. – Местность болотистая. И такой болотистой сделалась лишь после Посещения, будто кто-то изрядно помочился здесь непросыхающей струей. Постарайся не свернуть с трассы, даже если чего-то испугался. Хоть обделайся, штаны все выдержат, даже выстрел главного калибра, но ни на шаг в сторону. Дошло?

На оставленных членами группы следах мигом собиралась вода, а вот уже ботинки по щиколотку начали уходить в разжижившуюся почву, выходя обратно с пеной, бульканьем и чмоканием. Дернина, пружиня, еще поддерживала ногу, но под ней явно была топь. Вскоре болотная жижа дошла до колен, до бедер, мембранная ткань штанов не пропускала воду, но из-за невозможности испарения сразу стало жарко.

Справа в жиже что-то забурлило, как в кастрюле с супом. Если точнее, что-то быстро двигалось прямо к Лауницу, прикрываясь водяным горбом. Он почувствовал, как дернулось сердце, сделал шаг в сторону и сразу провалился по пояс. Забился, пытаясь выкарабкаться, взбивая пену и ощущая, будто сотня маленьких, но подлых водяных тащит его в обратную сторону.

Жижа вспенилась совсем рядом, обдав его потоком, который влился и за шиворот. Навстречу холодной жидкости по спине пошла волна пугливого жара. Однако никакое чудовище не схватило его тройным рядом зубов и не утащило на расправу в пучину. Что делать дальше, взбивать пену и приманивать хищника или дожидаться помощи от своих?

– Кажется, недалеко уйдет наш сталкер новоявленный – такие, как он, даже в сортирное очко ухитряются провалиться, – хмыкнул Возняк, но не обернулся. Школяр точно не был «своим парнем».

– Это – динамическая колючка собственной персоной, криворукие саперы хреново ее порезали, лучше вернись на трассу, режиссер или кто ты там. Помнишь, как у сперматозоида, шаг влево, шаг вправо и ты в попе, – сказал Стецко, однако не помог, пошел дальше, без всякой рефлексии раздвигая жижу своими крепкими ногами.

Только Вера протянула Лауницу руку. А рука у нее, надо сказать, неслабая оказалась, теперь можно поверить, что она и спортсменка, и альпинистка. Правда, при нападении отмороzków выглядела она кисло как гимназистка, но это можно списать на стресс.

– Стецко прав, насчет попы он знает все, как Эйнштейн про физику, так что вернись в «коридор».

Уже оказавшись в «коридоре», Лауниц оглянулся – прямо под поверхностью воды снова пробурлило что-то, смахивающее на скелет динозавра, разве что стальные шипы на месте спинного хребта – динамическая колючка выписала дугу и вернулась обратно, в затишье.

Топкая мочажина кончилась чуть ли не около самих терриконов. Здесь Лауниц расшиб ногу о притопленный рельс, упавший с эстакады, по которой когда-то двигались вагоны с рудой.

Они перебрались через траншею, куда раньше опрокидыватель сбрасывал гематитовую руду из вагонов; по ней будто огненная река прошла и спекла все в огромный брус. Лауниц на этой тверди и ощутил, что ему больно наступать на левую ногу. Потом прошли под покосившимся грейферным перегрузочным мостом. Одна из его опор была сильно изъедена коррозией, утончилась и просела, отчего тот стал изображать поскользнувшегося динозавра. И словно еще усиливая впечатление, раскачивался и жалобно стонал. «Ржавое мочало порезвилось, – пояснил Возняк. – Интересно, на кого он однажды рухнет». Начали наконец взбираться на штабель агломерата. Сейчас Лауниц, прихрамывая, шел последним, то и дело оскальзываясь, Вера несколько раз оборачивалась к нему, чтобы помочь, а потом и вовсе, сделав ему обвязку, зацепила тросом, чтобы тянуть за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.